

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ИЛЬИН
НАПРЯЖЕНИЕ.
КОРОННЫЙ РАЗРЯД

Напряжение

Владимир Ильин

Напряжение. Коронный разряд

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Ильин В. А.

Напряжение. Коронный разряд / В. А. Ильин — «АЛЬФА-КНИГА», 2019 — (Напряжение)

Максим, потомок княжеского рода, одаренный магической Силой, подросток, окончил школу и превратился из мальчишки в юношу. Но по-прежнему никто из правящей элиты страны не воспринимает паренька как серьезного противника в борьбе могущественных российских кланов. А зря. Он способен устроить всем врагам «веселую» жизнь, хотя для него самого веселье будет по-детски искренним. Верные школьные друзья всегда рядом, но Максима больше радует не то, что они готовы ему помочь, а то, что он сам может прийти им на помощь в любую минуту. Имперская служба безопасности точит на него зубы, а князь-оборотень – медвежьи когти. Обломитесь и те и другие: грядет будущий император – и не только России, но и всего мира. Вот так, а к чему мелочиться?..

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ильин В. А., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Владимир Ильин

Напряжение. Коронный разряд

*Автор использует элементы вселенной «Меняя маски»
Н. А. Метельского с согласия последнего*

Пролог

Зимний вечер выстуживал огромный зал через приоткрытое окно, бесцеремонно врвался внутрь, рассыпая на драгоценный паркет хлопья снега, и торжествующе завывал от собственной безнаказанности. Потому как некому выгнать расшалившуюся погоду обратно на улицу – слуги куда-то запропастились, а гостям малого императорского дворца не пристало заниматься самоуправством в чужом доме.

Тем более что в этом месте не бывает случайностей, и раз окно открыто, а на столике резного дерева – чайные чашки с аккуратно разложенными дольками лимона на ложечках, но без единой капли воды, разумнее распознать в этом высокое недовольство и быть готовым к непростой беседе, а не пытаться выкликать обслугу, потому как ее отсутствие – тоже символ.

Впрочем, гости – юная леди и ее отец – вовсе не страдали от холода, чувствуя себя великолепно под теплыми соболиными накидками. Под мехом проглядывали торжественные наряды: классическое платье на девушке, исполненное в серых тонах с серебряным шитьем, с акцентом в виде массивного браслета из крупных самоцветов на руке; мужчина предпочел черную рубашку с красным узором герба у сердца, заменой же статусным украшениям служила серебряная княжеская тиара Юсуповых, опоясывающая лоб.

– Ну и зачем? – спросил мужчина, с укоризной посмотрев на дочь.

Он возвышался над столиком, смотрясь великаном даже в массивном дворцовом кресле. Чайная чашка вполне уместилась бы на его ладони.

– Рано, – последовал безмятежный ответ.

– Мы могли бы задержаться на улице или перенести визит на завтра.

– Поздно.

Оставалось только горестно вздохнуть в ожидании, когда совесть дочери процарапает стену показного равнодушия, и она сама пожелает объяснить отцу, зачем и по какой причине она навлекла великокняжеский гнев.

Несмотря на радушие свитского, попросившего ожидать пару минут, князь Юсупов подозревал, что ждать им в этом холоде не менее часа. Но если ожидание затянется и на больший срок, он все равно будет рад, что их вовсе не выставили за порог, демонстративно, с глухим звуком затворив тяжелые дубовые ставни за спинами.

Есть определенные правила, этикет, регламент поведения. Даже ему, хозяину необъятных земель на северо-востоке страны, для которого император – не хозяин, а всего лишь первый среди равных, положение не застило глаза настолько, чтобы говорить правду августейшей фамилии. Особенно ту, которую слышать не хотят.

Еще он достаточно хорошо воспитал дочь, чтобы и она не позволяла себе столь скверного поведения. Тем не менее его Ксения позволила себе обронить пустяковую фразу под конец церемониального приветствия с дядей императора. Тому шел шестой десяток лет, и, как полагается в его возрасте, политика и власть занимали его внимание куда сильнее, чем житие супруги, третьей по счету и потому слишком молодой, чтобы иметь общие темы для беседы. Оттого, поговаривают, беседовали с нею иные люди, сохраняя в тайне высокоинтеллектуальные визиты от ревнивого супруга.

Надо сказать, когда великого князя искренне поздравили с тем, что он скоро станет папой, он даже обрадовался на мгновение. Потом, видимо, сопоставил даты, и долгожданные гости отправились в застуженное помещение вместо приемной императора. Не по статусу крохотное, без слуг, в дальнем конце дворца, но...

«Других бы точно выставили вон», – меланхолично кивнул своим мыслям князь.

Легкомысленная фраза смотрелась прямым оскорблением – особенно в адрес влиятельного мужа, привыкшего считать себя всеведущим и всезнающим, а жен – кроткими и верными под его рукой. Даже усомниться в этом – означало обвинить в измене не только супружеской, но также и родине, и присяге. А тут даже не сомнение, а искренняя радость за грядущее прибавление в императорском доме. Счастливое, неожиданное и настолько удачное событие, что будущему отцу даже от дел государевых отвлекаться не пришлось.

К счастью, великий князь встречал их лично, оставив свиту позади. В противном случае его реакция неизбежно последовала бы с оглядкой на общество.

За слова детей, как полагается по традициям, ответ держать отцу. С учетом прежних заслуг и некоторым послаблением относительно возраста дочери наверняка последовало бы августейшее повеление о нежелании видеть княжеский род в Москве. Но это – за слова обычных детей, чей длинный язык есть признак недалекого ума и небрежения воспитанием.

Ксения же обычной называться не могла с самого детства. Ей довелось родиться с даром пророка.

Семнадцать лет назад признаки великого дара посчитали за чудо; сходили с ума в попытках усилить талант, жертвуя ради шанса увидеть будущее слишком многим, в гордыне своей полагая любую плату уместной. Сейчас же пришло понимание, что все это было не то чтобы напрасно, но переоценено столь сильно, что невольно разведешь руками. У клана просто не было настолько великой цели для такого дара. Даже без таланта Ксении род бы жил и процветал. Зато любую нынешнюю победу семьи тут же с иронией привязывают к прозрению будущего, а не мастерству управленцев.

Тайну сохранить не удалось – слухи неведомо как вышли в народ, и любые попытки их опровергнуть только подогревали интерес. Правда, по сей день все серьезные игроки полагали дар Ксении достаточно слабым, чтобы игнорировать его или воспринимать на уровне случайной погрешности. Этих зубров от аналитики даже убеждать не пришлось – ведь клан в самом деле не стремился свергнуть императора с престола, захватить земли врагов (более, чем обычно) или разграбить финансовые рынки точными прогнозами. То есть клан не делал то, что сделали бы они, имея пророка. А значит, никакого пророка нет – так, видимость. Логично и достоверно, да к тому же изрядно всех успокаивало.

Одно тревожило князя на фоне этих рассуждений: в самом деле полагали бы дочь слабой ведуньей – выставили бы... Или нет, и причиной милости – все же высокий статус гостя? Но когда это обстоятельство удерживало семью императора от того, чтобы громко хлопнуть дверью даже перед лицом самых родовитых и демонстративно ввергнуть в опалу, особенно столь несерьезную по своей сути... Что для Юсуповых неделя, максимум месяц без Москвы? Всего то – Москва станет ездить к Юсуповым, а не наоборот.

Сомнения подогревал пустяшный мотив для приглашения во дворец. Было бы нечто серьезное и важное для короны – гнев железно отложили бы на потом, а то и вовсе оценили его в звонкой монете, предложив списать в часть оплаты за будущую услугу. Но цель визита выглядела довольно обыденно. Даже слишком – впору брать пару-тройку консультантов и вычеркивать половину дня из расписания, пока будут сходиться мнения профессионалов под одобрительные кивки господ. Так и было бы, если бы не вскользь оброненная фраза, что на встрече будет великая княжна Елизавета, младшая дочь императора и «погодка вашей очаровательной Ксении, им как-нибудь надо обязательно познакомиться, не считаете?». Намек полностью менял тему визита, переводя ее из финансово-экономического в светское русло, впрочем, все

так же несерьезное по своей сути. Разумеется, на все рекомендации можно было плюнуть с высокой колокольни и заявиться со свитой финансистов, но дипломатия предписывала делать легкие уступки просьбам равных.

Хотя некоторое недоумение осталось. С чего бы дочь решили представить его величеству за месяц до новогоднего имперского бала? В последний день года князь все равно подведет дочь к трону, представит ее августейшей фамилии и передаст через нее подарки. Этого более чем достаточно. Никакой дружбы Ксении с принцессой рода Рюриковичей не планировалось.

И уж тем более будущая встреча двух девчонок не являлась настолько важной причиной, чтобы Великому Рогоносцу пренебречь болезненной гордостью и оставить обидную правду без наказания.

Разумеется, если для него Ксения – именно девчонка, пусть и княжеских кровей, а не прорицательница. Но если иначе...

Место, где они сейчас находились, вполне укладывалось в концепцию одновременно благодарности за своевременное предупреждение и гнева за манеру подачи ценных сведений. Ведь там, где есть вера словам, должна быть и уверенность в их источнике. А слабому пророку веры у такого человека как великий князь быть не может. Вот с сильной ведуньей – ссориться нельзя, но на место следует поставить. Сходится?

– Они знают? – уточнил князь у дочери.

– Давно, – поднялся на него взгляд зеленых глаз. Как у матери.

– Имею в виду... – замер он в середине фразы, внимательно посмотрев на дочь.

Понятно, что о даре его дочери самый сильный клан в империи знал, и наверняка раньше остальных. Вопрос в понимании истинной мощи дара.

– Давно, – терпеливо повторила Ксения.

«Вот же...» – чертыхнулся про себя князь, не выдав и движением своих чувств, которые можно было бы увязать с сутью вопроса.

Мало ли кто на них сейчас смотрит – в завитках резьбы на карнизах, в углах зала, в лепнине стен наверняка множество камер и микрофонов. Особенно если император действительно знает и желает об этом сегодня говорить.

Аналитики, просчитывая визит, отдавали этой версии малый шанс, прагматично сходясь на более простых поводах. Например, на огромном приданом, которое постараются стребовать за брак Ксении и дальнего родственника императорской фамилии. В обмен – немного власти и небольшой рост статуса клана в общей иерархии. Другое дело, что кем-кем, но Ксенией князь торговать бы не стал, оттого изначально воспринимал этот визит без энтузиазма, надеясь максимально сократить его благодаря отточенному умению улыбаться и не понимать намеки.

Значит, знают. Давно знают – не верить дочери нет смысла. Раз молчала, то это не повредит клану и роду – так она говорила, некогда поставив отца перед фактом, что подобные решения были и будут. Хорошая, красивая формулировка... от которой хочется разбить кулаком стол. Потому что понимание вреда у семнадцатилетней девушки, какой бы умной она ни была, может быть недостаточным для сложной реальности.

И если Ксения чувствовала себя совершенно безмятежно, опираясь на знание светлого будущего, у князя заворочался под солнечным сплетением ком дурных предчувствий. К цели ведет множество путей. Прорицая светлый терем, ладные одежды и богатый стол, можно пропустить кровавую резню за час до этого и не заметить пропитанные кровью бинты под плотной рубахой. А ведь дар дочери – всего лишь узенькое окошко в будущее, время в котором идет как обычно... Много ли останется вне ее внимания? Созерцая светлый терем, полный добра, увидит ли врагов, что притаились до поры на чердаке? Или чумных крыс во тьме подвала? Или ядовитый металл на дне колодца, который отравит воду и убьет болезнями?

– Ксюша... – с тоской выдохнул князь Юсупов, – предлагаю вернуться домой и все обсудить.

За тяжким выдохом – горечь от осознания, что все взаимоотношения с императорским родом придется просчитывать заново. Очень не хватало помощи от аналитиков, но на территории дворца для гостей не было связи, так что хитрый механизм-транслятор, скрытый в княжеской тиаре, не мог доставить толковые советы и помочь владельцу на ходу сформировать новую линию поведения.

А вести игру в одиночку против императорского рода князь Юсупов не собирался. В этом была мудрость шестого десятка лет, пока недоступного его дочери.

– Нет необходимости, – без паузы отреагировала его дочь.

– Все, что ты знаешь об этой семье, – надавил он тоном на предпоследнее слово и повел взглядом, намекая на владельцев дворцовых палат. – Все, что ты про них могла узнать. Это все даже в малой степени не даст тебе увидеть картину их возможностей. – Он встал с кресла. – Мы уходим.

Рисковать дочерью, отчего-то решившей поиграть с короной, он не собирался. Плевать, что запланированный визит не состоится. На все плевать, кроме родной крови. Пророков за историю империи было во множестве, но род Рюриковичей всех их пережил. Даже самых сильных, даже тех, кто встал против них, полагая знание следующего дня залогом победы. Всех уничтожили. Своей Ксении он в это влезть не позволит.

– Будущее невозможно изменить. – Дочь поднялась вслед за ним и поправила соболиную накидку. – В этом большом театре, что делает человечество, я не могу менять его судьбу. Они и я это знаем.

– Не следует объединять свои мысли и то, о чем думают в этом дворце. – Князь Юсупов со скрипом задвинул кресло к столику и предложил дочери локоть опереться.

Девушка положила ладонь на сгиб его руки и направилась вместе с ним к массивной двери покоев.

– У нас разная точка зрения на это знание, – согласилась Ксения. – Они считают, что могут приготовиться к любому будущему, как талантливый режиссер с труппой – к любой постановке.

– Дочь... – строго произнес князь Юсупов.

– Я же просто выбираю для нашей семьи лучшие места на этом представлении...

Дверь распахнулась одновременно с тем, как отец протянул к ней руку.

По ту сторону стояли трое богато разодетых свитских, почтительно согнувшись в поклоне, стоило соприкоснуться взглядами.

– Император ожидает князя и княжну в алмазной палате.

Ксения сжала локоть отца, на мгновение опередив вежливый отказ со ссылкой на недуг дочери.

– У каждой истории есть множество начал... – прошептала она ему на ухо, приподнявшись на носочках, – но только одно завершение.

– Оно будет хорошим? – замешкался отец.

– Пойдем, – со смешинкой потянула она его за собой. – Наши места – в первом ряду.

Глава 1

Жаркое солнце середины июня спряталось за высоткой главного корпуса университета, накрывшего широкой тенью площадь перед ним. Под глубоким темно-синим небом звенел смех, царила радость и волнительное предвкушение счастливого будущего, полного новых знакомств и сбывшихся надежд. Период вступительных экзаменов начнется всего через неделю, но к тому времени надо собрать списки желающих, подтвердить способности оригиналами аттестатов, а намерения – солидной суммой залогового взноса или же подписью в гербовом контракте с княжеством, готовым платить за самых перспективных в обмен на службу.

Разумеется, документы можно подать в любой день только-только начавшейся недели, но в таком серьезном деле, как собственное будущее, большинство предпочло прийти сразу, разумно страхуясь от возможных накладок.

Оттого народу на университетской площади, обрамленной пешеходными улицами и трехэтажными зданиями университетских корпусов, было особенно много. Молодежь занимала самый ее центр, оставив край площади степенно прохаживающимся родителям, зорко поглядывающим за поведением и первыми знакомствами своих чад. Когда-то нынешние отцы и матери тоже стояли в центре, полагая себя по-настоящему взрослыми, а родителей – слишком старыми, чтобы прислушиваться к их увещаниям и строгим наставлениям. Вскоре и эти вырастут и станут отговаривать уже своих детей от собственных ошибок и промахов.

«Но те им тоже не поверят» – хмыкнул своим мыслям Александр Ефремович Ферзен, ректор имперского университета княжеского города Шуйск, отдавая должное крохотной чашке с ароматным кофе.

Зеркальные окна от пола до потолка огораживали высокий подиум кафетерия от оживленной летней улицы. Взгляд сверху вниз и непрозрачность стекол со стороны тротуара где-то даже оживляли аппетит, добавляя вдумчивому потреблению пищи сочную картину жизни, не замечающей пристального внимания.

Заведение находилось на первом этаже дома для преподавателей, примостившегося у левого края площади, сразу за небольшой парковкой для персонала. И хоть оно и было открыто для всеобщего посещения, но высокие цены и тяжелый взгляд профессуры, видящей все долги студентов насквозь, давно уже сделали его заведением «для своих». Хозяев кафе, впрочем, это не вводило в убыток, судя по тому, что работало оно уже пятый год и не собиралось закрываться.

А конкретно это место – на подиуме, отделенном от общего зала отдельным проходом, за годы стало его, ректора, личным. Всякий раз за столиком его дожидалась табличка «Заказано», а персонал будто предугадывал его визиты – иначе и не сказать, если от времени заказа до расставления на столе пышущих ароматом и жаром блюд проходила от силы пара минут. Затем наступало время крохотной чашки кофе, запиваемой стаканом воды, и вдумчивого наблюдения за жизнью подопечных. Той, что наверняка не увидит из окна его кабинета.

Складывались пары, обозначали общие интересы группы студентов. Порою доносились отрывки фраз и сплетен. Нет, человеку его статуса подслушивать даже в мыслях не было, но не уши же закрывать за обеденным столом? Все в рамках приличий и без урона дворянской чести. В конце концов, милостью государя, именно он, Александр Ефремович, поставлен хозяином университетских корпусов и начальником преподавателей, ему полезно знать, что на самом деле волнует студентов и подчиненных. Ведь на кону вполне может оказаться преуспевание университета и лично его должность.

Пересекли площадь преподаватели, степенно вышагивая к парковке через пугливо раздавшуюся толпу. Новички пока не знают своих наставников в лицо, но достаточно вида парадного мундира гражданской службы, чтобы ощутить должную степень робости и уважения.

В чем-то форма преподавателей схожа с военной: хоть и лишена знаков различия, но наградные медали и планки, пусть те и выданы исключительно по мирным поводам, придают вид внушительный и грозный. Пусть сразу видят, что тут тоже идет война – за светлые умы, против тьмы невежества!

Ректор разглядел лица коллег и погасил порыв попросить у obsługi добавить кресел к столу и принести дополнительные меню. Вряд ли кто из них присоединится к нему за обеденным столом – то люди семейные, предпочитают обедать дома. Это он, ректор, один. От позднего брака осталась только дочь. Сердце потеплело от законной гордости – с отличием закончив консерваторию, родная кровинка сейчас покоряла своим талантом столицу и даже пару раз показала на центральном телевидении, пока, правда, мельком, на втором плане. Но даже эти короткие записи он трепетно хранил. Жаль только – поделиться ими не с кем. Супруга отошла в другой мир десять лет назад, а новые отношения даже сейчас ощущались изменой той самой истинной любви, что бывает раз в жизни.

Тем временем профессура раскланялась меж собой и предсказуемо разошлась по машинам. Дорогим, к слову, автомобилям, не старше года каждый.

Учитель физики Аристарх Игнатъевич, любитель дорогих костюмов и модных галстуков, прикрыл дверцу своего «Шевроле Импала», пронесся под басовитый рев двигателя по улочке, распугивая зазевавшихся гостей, и лихо вырулил за знаки «Стоп», «Только для персонала». Следом куда спокойнее вырулили «порше» и «сеат» профессоров кафедры высшей математики, а завершил процессию совсем нескромный «Балто-Русс» проректора Овсянова, стоивший как бы не дороже первых трех автомашин вместе взятых.

Не бедствовали преподаватели имперского университета, что скрывать. Сам ректор, правда, всегда находил куда потратить деньги – в основном на подарки дочери. Но разве ему много нужно было? Квартиру ему предоставил университетский фонд пять лет назад, тогда же предложил выделить машину на выбор, но тут он постеснялся и остался при своей «Волге», которой тогда шел всего второй год. Да и зачем менять? Скорость Ферзен не сильно любил, а добираться до дома всего с десятков минут пешком. На машине – так и вовсе смех.

В общем, грех жаловаться, право слово. Что вне работы, что в стенах университета, блиставшего свежим ремонтом, пятым за пять лет, все у ректора ладилось.

А тут еще, незаметно подкравшись, комплимент от повара подали, добавив: «За счет заведения», – и мысли вовсе обрели радужный тон.

«В столицу махнуть на выходные, что ли? За свои деньги, разумеется».

Хотя у университета был собственный самолет. Небольшой, на пятьдесят пассажиров, но, поговаривают, даже у многих столичных такого не было. Ведь небо – только для аристократов, а как бы ни любило государство высшие учебные заведения, но такая роскошь, как бесконечный лимит на топливо, любые маршруты над страной и двое дежурных пилотов, выходила за всякие рамки. Самолет – князя Шуйского, предоставленный в аренду за одну копейку в год.

Редко кому так везет с сиятельными владельцами земель. Обычно они те еще скряги, дико ворчливые от необходимости каждый год платить за имперский университет на своих землях. Дорого им, видите ли. А специалистов им выдай наилучших! При этом те же ворчливые князья в то же самое время хороводы вокруг Москвы водят с просьбами открыть еще один храм науки и выделить преподавателей. Однако стоит добиться успеха и перерезать красную ленточку – тут же начинается вечное недовольство тратами. Но это они, наверное, от прошений и университетских просьб страхуются. К таким скрягам идти на поклон – никакого желания, проще в столицу написать.

Не всем достается такое счастье, как Александру Ефремовичу, ой не всем.

«А может, на университетском самолете и махнуть? Вон как раз экскурсия по Кремлю намечается у стипендиатов, можно всего на один день сместить график вылета и... Хотя нет, нагловат», – все же решил ректор добираться на имперских авиалиниях.

К доброму отношению следует относиться бережно. Будто в пику его мыслям, величаво вырулил с парковки покрытый золотом «Кадиллак Эскалейд» преподавателя по русскому языку.

Не у всех, правда, это понимание есть... Ну да их дело.

– Александр Ефремович?

– Да-да? – повернулся он, встрепенувшись от знакомого голоса.

Рядом с его столиком замер в почтительном поклоне хозяин заведения самолично, отчего-то накинув белоснежное полотенце на сгиб локтя, будто обычный официант. Впрочем, остальная его одежда – жилетка в крупную клетку поверх белой рубашки, ничем не отличалась от формы остального персонала. Облик смотрелся целостно, выдавая немалый стаж руководителя на низовой должности.

«Но с чего бы такой вид? – ворохнулось любопытство. – Решились обслужить самолично? Приятно, безусловно, но нет времени на новую перемену блюд».

– Александр Ефремович, с вами желают переговорить. Окажите милость, всего пять минут вашего внимания... – обозначил самую радушную улыбку ресторатор, добавив толику вины во взгляд.

Ферзен поджал губы и укоризненно посмотрел на мужчину.

Никто не любит неожиданных визитеров, особенно разрушающих таинство послеобеденного отдыха. А тут еще назревает явный проситель – наверняка с весьма предсказуемой просьбой пристроить нерадивое чадо на первый курс. Столь же предсказуемый (для тех, кто ректора знает) отказ наверняка попортит им обоим настроение. Словом, дело неприятное, но, видно, неизбежное.

– Прошу вас, Александр Ефремович, – молитвенно сложил хозяин заведения руки и искренне добавил еле слышным шепотом то, что тут же, с великим изумлением, заставило сомневаться в его истинном статусе: – Иначе меня уволят...

– Приглашайте, голубчик, – скорбно выдохнул Ферзен, складывая руки на груди и демонстративно отворачиваясь к окну.

В конце концов, ему тут еще завтракать, обедать и ужинать, а возможная смена администратора может принести отрицательные изменения в привычный распорядок дня. Пусть холуй выслуживается, от Александра Ефремовича не убудет сказать «нет» еще раз. В его университете не будет кумовства!

Стол тут же очистили от посуды, вернув через полминуты графин с водой и два пустых стакана. За этим делом все хлопоты в общем-то завершились, а вот обещанного просителя не наблюдалось. Но раз у него одолжили ровным счетом пять минут – ректор демонстративно приподнял рукав пиджака, чтобы посмотреть на циферблат часов, – еще три минуты, и он отсюда уходит.

Чтобы озвучить данную мысль, Александр Ефремович грозно оглядел зал в поисках администратора, но с удивлением обнаружил отсутствие как услуги, так и иных посетителей. В кафе, кроме него, – никого.

Солидный звук автомобильных моторов дернул нервную струну, заставив резко повернуться к окну.

«Коллеги вернулись?» – немного нелепо пришла мысль при виде кавалькады из трех незнакомых автомашин, втекшая на университетскую парковку, игнорируя знаки и ограничения. Впрочем, если обратить внимание на имперский герб на двух авто в арьергарде – они имели на то право. Вот только первый автомобиль, слегка потрепанный временем темно-синий «опель» с обычным гражданским номером, совсем не гармонировал с черными квадратами внедорожников сопровождения. Но именно к невзрачному автомобилю бросился ресторанный служака от входа в заведение, торопясь открыть дверь. Не успел – из задней двери уже вышагнул

молодой парень лет семнадцати в бежевых брюках и белой безрукавке. Мельком огляделся, игнорируя суету вокруг него, и шагнул к двери кафетерия.

«Две минуты», – нервно дернулся взгляд Ферзена к циферблату часов.

Мелодично тренькнул входной колокольчик, возвещая о прибытии нового гостя. Крайне необычного, по всей видимости.

«Да что с того? – раздраженно дернул плечами Александр Ефремович, подняв взгляд к горделивому полотну с двуглавым орлом на шпиле университетского здания за окном, дарующему абсолютную защиту от сильных мира сего. – Да хоть князь!»

Краем глаза ректор отметил силуэт в белой рубашке подле стола и еле слышный звук от положенной на скатерть папки с бумагами.

– Добрый день, Александр Ефремович, – вежливо поздоровался с ним молодой голос, уже приобретший некую толику бархатистости и глубины, свойственную старшему поколению.

Ферзен вновь сложил руки на груди и недовольно покосился на говорившего.

– И вам доброго дня, юноша.

Совсем молодой, как те, что занимали сегодня университетскую площадь, ожидая своего времени для подачи документов. Между прочим, честно ожидали и не пытались через знакомства пробиться к ректору лично!

Парень напротив внимательно посмотрел на него, умудрившись-таки зацепить взглядом серо-синих, словно штормовое небо, глаз. Глубоких, завораживающих кажущейся подвижностью радужки, будто медленно вращающейся... и тускло мерцающей сотнями еле заметных огоньков в самой ее глубине, если приглядеться. Но ведь так быть не может...

– Александр Ефремович?

– А? – спохватился ректор, осознав, что пропустил обращенные к нему слова.

– Мне нужно закончить ваш университет, – терпеливо повторил юноша, стукнув пальцем по укладке документов в раскрытой папке перед собой.

– Не смею препятствовать. Поступайте обычным порядком, отучитесь положенные пять лет, и я лично вручу вам диплом, – расправил плечи Ферзен, возвращая привычную уверенность.

Все же самый обычный проситель, а он-то уже надумал себе...

– Я уже поступил, – парень взял первый лист сверху и переложил на половину стола ректора, – отучился и получил все положенные отметки, – следом за первыми, легли новые бумаги с выкопировками из приказов и зачетных книжек, ведомостей и прочей канцелярщины, сопровождающей студентов на всем пятилетнем пути.

– Разрешите поинтересоваться, – хмуро глянул на юношу Александр Ефремович, придвигая к себе листы. – Самойлов Максим, из свободных граждан.

Он не помнил такого имени. Безусловно, ректору огромного учреждения и не положено знать всех учеников поименно, но за пять лет он обязан был зацепить взглядом, оставив в памяти хотя бы легкое чувство узнавания. Пусть даже не самого ученика, но такую свиту из машин он наверняка не упустит бы из виду. Вернее, знал бы точно, кого в стенах его заведения так опекают.

– Год рождения... Принят в имперский университет города Шуйск в две тысячи... Хм... В тринадцать лет?! – Невольно в огромном изумлении распахнулись глаза. – И вы пришли ко мне с этой подделкой?! Молодой человек, я немедленно вызываю полицию!

– Они подлинные, – абсолютно спокойно отнесся к угрозам Самойлов. – Оригиналы документов в двух экземплярах, первая часть в вашем архиве, вторая – у меня здесь, – вновь щелкнул он по оставшимся бумагам в папке. – Будет много ненужных вам вопросов, не считаете?

– Не считаю! – взвился с места Ферзен, опершись руками о край стола и нависая над самозванцем. – Я вас в университет не принимал!

– Такое право есть у проректора в ваше отсутствие, – столь же меланхолично отреагировал собеседник и положил еще один лист из бумажной укладки поверх остальных.

Очередная подделка!

Обличительная фраза, уже готовая сорваться с уст, разбилась сорванным на выдохе словом и надсадным кашлем, стоило вновь наткнуться на взгляд гостя. Завораживающий и холодный, словно поверх оружейного прицела. Но не того, что ведет дичь, а что заставляет смотреть на охотника, не позволяя шевельнуться, от которого желание кинуть бумаги в лицо наглецу обернулось непонятной робостью, а правильный и очевидный поступок с вызовом представителя службы безопасности университета подменился порывом разобраться во всем самостоятельно. Даже сама поза ректора показалась настолько неудобной, что Ферзен предпочел медленно вернуться в кресло и присмотреться к подделке внимательнее.

Стоило отметить, что бумага выполнена безупречно и украшена положенным количеством печатей.

«Подпись зама, росчерк пера, все сходится, – с досадой кусал он губы – Номер приказа!»

Набрать на сотовом номер телефона приемной – секундное дело, даже с неприятным подрагиванием кончиков пальцев. Зачитать заветный номер, услышать ответ от секретаря...

– И он посмел пойти на подлог?!

– Александр Ефремович, в моей зачетной книжке более тридцати подписей и печатей, проставленных не одновременно, а с полным соблюдением всех сроков и регламентов. Ни одна проверка не выявит нарушений.

– То есть все они?.. Все мои коллеги?.. – с некой растерянностью вымолвил Ферзен, переводя взгляд со странного гостя на документы и обратно.

Растерянность, впрочем, тут же сменилась законной яростью.

– Все они продались за моей спиной?! – вцепился ректор в копии бумаг и грозно потряс ими над столом.

– Все, – отчего-то с некоторым сочувствием кивнул парень. – И даже вы.

– Я-а?! – прогремело в здании кафе.

– Квартира, ежемесячные поступления, оплата счетов. Все они проистекают из того же источника, что у остальных.

– Я! Никаких! Денег! Не! Брал! Убирайтесь из моего университета и ждите повестки в суд, молодой человек! – грозно указал ректор перстом на дверь, вновь взвившись с места.

– Университетский фонд, – даже не дрогнуло лицо юноши, а вся гневная речь будто относилась не к нему, а к той же двери, на которую все еще указывал Александр Ефремович. – Вам знакомо это наименование? И сядьте, будьте так любезны.

В последней фразе было достаточно воли и жесткости, чтобы Ферзен предпочел выслушать продолжение этого нелепого разговора сидя. Он все равно немедля отправится к главе особого отдела, а тот пока все равно на обеде, так что можно потешить себя выслушиванием всяческих нелепостей.

Но ком недобрых предчувствий, заворочавшийся под солнечным сплетением, настаивал совсем на иных мыслях, которые даже про себя произносить было боязно.

– Какое отношение имперский университетский фонд имеет к вам, молодой человек? – едко поинтересовался ректор.

– А вы знаете, что за употребление слова «имперский» в именовании полагается годовой сбор в два миллиона рублей? – неожиданно поинтересовался Самойлов. – За пять лет сумма вышла довольно значительной. Я бы, к слову, с куда большим энтузиазмом потратил бы их на вас, но вы бы не стали брать деньги и ценности от фонда с другим наименованием, верно?

Александр Ефремович побуравил взглядом собеседника и категорично мотнул головой.

– Вздор.

– Неужели ни разу не интересовались у коллег из иных городов уровнем зарплат и привилегий? – приподнял бровь юноша. – Не заметили несоответствий?

Замечали, но предпочитали не озвучивать и не вызывать зависть. Казалось вполне разумным, что фонды от княжества к княжеству разные, а поддержка профессуры может значительно отличаться от результата работ. Свою же работу высший руководящий и преподавательский состав университета считал безупречной, оттого не удивлялся ни секунды щедрым поощрениям.

– У вас есть иные доказательства, кроме этой вашей наглости и слов? – попытался надавить ректор едким тоном, с коим обычно распекал подчиненных.

Получалось плохо – гость даже к спинке стула не отодвинулся, продолжая сидеть ровно и прямо. Тут уже неудобство почувствовал сам Ферзен и предпочел позу скептика, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди.

– Документы, – невозмутимо качнул плечами Самойлов. – Но моим вы ведь не поверите, так? Посоветую вам поинтересоваться учредителями фонда в иных источниках.

– Там я увижу вашу фамилию, смею думать?

– Владельцем будет фонд «Наука – развитие», – отрицательно качнул тот головой, – а уже его владельцем – офшор на Кипре. Так что даже обратись вы в полицию, мало чего добьетесь. А вот к вам уже будут вполне определенные вопросы, ведь принимать деньги от заграничного предприятия, пусть даже опосредованно...

– Вы смеете мне угрожать?.. – прошипел ректор.

– Ни в коей мере, – поднял руки юноша, отмахиваясь от обвинения. – Я уже говорил: все, что я хочу, – завершить обучение.

– Так шли бы к этому вашему Овсянову, век бы его не видеть! – хлопнул Ферзен рукой по скатерти.

– Как оказалось, документы о защите диплома могут быть только с вашей подписью.

– И что будет, если я не подпишу? Вы станете шантажировать меня своим фондом?

– Александр Ефремович, слово даю – никакого шантажа, – приложил Самойлов руку к груди. – Ни шантажа, ни денег, ни квартир, ни машин, каждая из которых в найме у фонда. Ведь это было так удобно – переложить налоги и ежемесячные платы на фонд.

– И вы, говорите, не шантажист? – иронично хмыкнул Ферзен, которого новость о лишении привычного жилья кольнула тоской даже через ярость и гнев на молодого наглеца.

– Всего лишь мне больше незачем будет вас добровольно поддерживать. Все эти расходы, ремонт университетских корпусов, оплата самолета...

– Самолет – княжеский! – ухватился ректор.

– Александр Ефремович, – укоризненно глянул на него взгляд необычных темно-синих глаз, – к чему слова? Самолет уже сегодня перестанет вас принимать. И не следует на меня смотреть столь гневно. Да, парад роскоши последних пяти лет завершится, но я же не забираю у вас ничего лично вашего, верно?

– Я ничего не подпишу, слышите?! – Заставив себя не думать о том, что станет с единовременно выкинутыми из домов преподавательскими семьями и какой разразится скандал, произнес ректор. – Катитесь к черту со своим фондом!

– То есть «спасибо» за эти пять лет мне тоже не услышать, – вздохнул Максим Самойлов. – Не мое это – хорошие дела.

– Вы нас обманывали все эти годы!

– Меня бы кто так обманывал... Александр Ефремович, приношу извинения. Жаль, что разговор не задался. Признаюсь, совсем не хотел вас волновать и уж тем более заставлять испытывать столь сильные эмоции. Вашей дочери вовсе не понравилось бы, случись что с вами. – Сложив бумаги обратно в папку, приподнялся парень из-за стола.

– Стоять! – рявкнул Ферзен, стукнув кулаком по столу. – Что ты там сказал про мою дочь, щенок?!

Сейчас он был даже не главой вуза, а зверем куда страшнее – любящим родителем.

– Говорю, что Александра Ферзен – моя знакомая, – поднялся на него хмурый взгляд, – не более того.

– Если с ней хоть что-то... – пророкотал ректор, комкая скатерть в кулаке.

– Все у нее будет хорошо, – вновь прижал к полу его эмоции холодный тон. – Никто не тронет.

– Откуда ты ее знаешь? – Сглотнув комок из ярости и злости, ректор предпочел прислушаться к чутью и померить тон.

– Саша работает на моем канале. – Видимо убедившись, что старик не сорвется на него с кулаками, Самойлов стукнул пару раз ребром папки о стол, выравнивая бумаги.

– Лжешь! Это канал князей Долгоруких!

– Долгорукого Игоря, угу, – вздохнул парень, с грустью взглянув на циферблат своих часов.

Ректор невольно повторил его движение – уже на три минуты больше, чем планировалось. А нервов выжгло – на целые месяцы.

– Только я не вру, но вам это будет проверить еще сложнее, – потер Самойлов задумчиво переносицу и повернулся к двери. – Спросите у дочери, ей вы наверняка поверите.

– Постойте, – не удержался Ферзен от оклика, стоило парню уверенно двинуться на выход. – А... карьера Александры?

Он просто хотел услышать ответ, не важно какой. Пусть будет плохим, это уже не испортит день, но даст железное обоснование вернуть дочь обратно прямо сейчас. Предварив звонком и обязательно – личным визитом. Отчего-то про владельца канала верилось. Хоть и быть такого не могло, что представитель славного рода Долгоруких на кого-то мог работать!... Вернее, Александр Ефремович раньше не встречал никого, кто соответствовал бы такой невообразимой начальственной должности.

– Пять лет счастья завершены, – задержался юноша, с полной серьезностью посмотрев на него. – Я не собирался и не собираюсь забирать у вас ничего. Не стану возвращать обратно, как великую милость, и требовать за это платы. Всем вам придется жить дальше с тем, что имеете, и с теми силами, что при вас.

– То есть... – заволновался ректор за дочь.

– Роли перестанут падать с неба, если говорить условно, – пожал юноша плечами. – Но все, что она заработает сама, своим талантом и трудом, никто не отнимет. Даю слово. Она способная, я вас уверяю. Лет через десять, вот увидите...

– Мы не могли бы вернуться к столу?.. – дала трещину воля пожилого человека.

Десять лет – это много. Для юной звезды потом будет уже старость и четвертый десяток лет...

Поэтому сейчас, вернув Самойлова и вновь сев с ним за стол, Ферзен был готов подписать любую бумагу.

Но медлил, с тоской ощущая собственное бессилие перед событиями, желая их хотя бы немного отдалить. Например, хотя бы соблюсти церемониал от начала до самого конца – принять его в вуз... Изобразить в своем воображении экзаменационные вопросы и ответы на них... Словом, совершить весь этот фарс для себя лично, чтобы утихомирить разболевшуюся совесть. Ведь есть же экстерн, верно? Для гениев... Этот был определенно гений, пусть талант его был предгрозовой тьмой, от которой хотелось сбежать или отвести от себя и близких в сторону.

– Итак, Самойлов Максим... – скрывая волнение, начал Александр Ефремович, перебрав папку с бумагами юноши и положив перед собой школьные аттестаты, характеристику и заяв-

ление на поступление. – Завершил обучение в школе номер сто пять. Оценки превосходные, – распахнул он красную книжку аттестата за одиннадцатый класс.

Уже неплохо. Уже не придется мучить себя тем, что подписал диплом бездарности.

– Аттестат за девятый, для сравнения. Хм. «Восемь» по русскому языку? – невольно поднял ректор брови и посмотрел на Максима.

А тот – о удивление! – изволил проявить смущение.

– Это досадная техническая ошибка, – отвел юноша взгляд в сторону. – Вы понимаете, базы данных, электроника... Там должно было быть пять с плюсом.

– Плюс в аттестат не проставляется, – с некой веселостьюотреагировал ректор на эмоции Самойлова.

Вернее – с облегчением от соответствия поведения гостя возрасту! Мальчишка, странный, опасный – но мальчишка! Человек!!!

– Кто ж знал? – пробурчал тот и поднял ладони вверх: – Уверяю вас, просто недоразумение.

– Допустим, – хмыкнул Александр Ефремович и переложил документ с характеристикой наверх. – Так... «Теперь это ваша проблема». – Вновь взмыли брови вверх от удивления.

– Разрешите посмотреть? – возмутился юноша и приподнялся на месте, довольно споро, судя по движению зрачков, читая текст вверх ногами. – Нет такого!

– Так вот же, если позволите, – начал чтение ректор, указывая кончиком ручки на заглавные буквы предложений. – «Терпелив и внимателен к учебе. Если требуется помощь другу – непременно окажет. Положительно показал себя в видах спорта... Ежегодно...»

– Достаточно, – нахмурился Самойлов и откинулся на спинку стула. – А ведь я им теплоход подарил...

– Не стал забирать? – едко уточнил ректор.

– И это тоже... – вздохнул юноша и махнул рукой на документы. – Ладно. Давайте сделаем так, чтобы эта проблема перестала быть вашей, – чуть грустно произнес он.

Александр Ефремович внимательно посмотрел на молодого человека по ту сторону стола. Пожалуй, у него были причины ненавидеть Самойлова. Определенно находились поводы опасаться и избегать. Да и в целом вся эта беседа от ее начала до сей минуты – не имела в себе ни малейшего повода испытывать к парню хоть мизерные положительные эмоции. Но было что-то в последней фразе, отчего Ферзен неожиданно для себя обнаружил сочувствие.

А еще – желание разобраться в некоторой нестыковке, в несоответствии размаха замысла, возраста гостя, ожидаемых дивидендов...

– Скажите, – замерев с ручкой над приказом о выдаче диплома, решил поинтересоваться Александр Ефремович, – зачем вам это все? Все эти траты, манипуляции... – внимательно смотрел он на собеседника. – Неужели не проще было завершить заочно?

– Видите ли... – после некоторой задумчивой паузы вздохнули с того края стола. – Есть у меня одна книжка... – Из укладки папки, с самого ее низа, показался добротный прошитый кожаный переплет размером в тетрадь.

Судя по характерным полоскам, внутри и была обычная тетрадь в клетку, отчего-то украшенная и защищенная столь дорого и надежно.

– Вернее, свод правил... – еще раз вздохнул юноша. – Свод, которого я обязан придерживаться, пока не завершу очное отделение имперского университета.

– Позвольте поинтересоваться, а кто составитель этого документа? – осторожно задал вопрос Ферзен.

– Один человек, – сухо отозвался Самойлов.

Не отец, не дед... Ведь просто «человеком» не назовешь родного... Странно, и довольно сильно будоражит любопытство.

– Еще раз прошу прощения за назойливость... этот человек был вам важен?

– Он за меня как-то умер. Чудом остался жив. Вернее... она.
К его удивлению, гость пошел на откровенность. А значит, он может задать еще один вопрос?..

– Смею полагать, она желала вам самого лучшего, вручая этот свод правил?

– Именно так.

– Как считаете, вот это условие – по завершении очного отделения университета... Оно содержало в себе доброе пожелание?

– Безусловно, – автоматически вымолвил юноша.

– Можем ли мы сойтись на мысли, что в очном обучении, год за годом, от экзамена к экзамену, она видела для вас пользу?

– Допустим... – уже настороженно вымолвил Самойлов.

– Не ради «корочки», а для самих знаний и процесса их получения, поставлено это условие... – подводил его Ферзен к мысли.

К правильной, единственно верной мысли, принятие истинности которой поможет и юноше, и, если повезет, ему тоже...

– Вы не понимаете – я не успеваю!.. – взорвался раздраженной эмоцией Самойлов. – У меня два контейнеровоза застряли на границе, фуры стоят под Орлом, а мороженое тает!

– Тогда вам точно следует получить нормальное высшее образование, – решительно постановил Ферзен.

– Но где я найду столько времени!

– Неужели у вас нет подчиненных? – удивился ректор.

– Есть, как и проблемы от ведения ими дел. – Парень выложил на стол три простеньких кнопочных сотовых телефона, один из которых мерцал вызовом в беззвучном режиме. – Первый – это проблемы, которые требуют незамедлительного решения. Как вы видите, – демонстративно указал он на иллюминацию звонка, – проблемы есть всегда.

– А второй телефон, простите за назойливость?

– Катастрофа.

Словно уловив внимание к себе, телефон вжикнул вибровывозом.

Впрочем, сам Самойлов позволил себе только досадливо поморщиться, но не стал бес тактно прерывать беседу на вызов.

– Не будете отвечать? – с опаской посмотрел на аппарат ректор.

– Сегодня это не моя катастрофа, – равнодушно отмахнулся юноша.

Любопытство подсказывало уточнить характер катастрофы и кого она постигла, но Ферзен удержался.

– А третий телефон? – поднял он взгляд на гостя.

– Семья. Редко тревожат, только когда действительно важно.

– Семья – это всегда важно, – веско отметил Александр Ефремович. – Что будет, если вы не снимете трубку?

– Убытки.

– Давно вы работаете на первые два телефона? – с сочувствием уточнил ректор.

– Я работаю на себя, – отреагировали непониманием с того края стола.

– Тогда почему они не дают вам получить нормальное образование? Они перестанут платить вам деньги и вы умрете от голода?

Юноша, к удивлению ректора, не стал спорить, а просто задумчиво посмотрел на одинаковый пластик сотовых.

– Ваш фонд, все эти квартиры, машины и гонорары – вы настолько дорого оценили пять лет свободы от университета... Я удивлен, что у вас не хватает средств заплатить за свою свободу от чужих ошибок.

– Это довольно дорогие ошибки, – поднял Самойлов взгляд.

– Но не смертельные, верно? Купите себе молодость и образование, юноша. Пусть финансовые потери будут тому платой, но взамен вы наверняка обретете знания, как их избежать в будущем и уберечь подчиненных.

– Наверное, вы правы... – Подумав, гость взял в руки первый телефон и отключил его. – Если долго не отвечать, эти проблемы решаются сами собой. Не так хорошо, но решаются, – будто уговаривал он себя.

– Вот видите! – даже обрадованно всплеснул руками ректор.

– Образование нужно получить, – теперь Самойлов смотрел на свой «свод правил». – Если она этого хотела, то так будет правильно.

– Я рад, что мы вместе пришли к этому решению, – довольно улыбнулся Александр Ефремович. – Только у меня к вам будет одна просьба... – продолжил он, стараясь не выдать дрожь в голосе.

– Если в моих силах, – кивнул парень.

– Поступайте куда угодно, но не в мой университет, – убрав улыбку, смотрел на него ректор. – Езжайте в Москву, мой вам совет. Там таких, как вы, много.

– Таких, как я? – нейтрально уточнил юноша, вновь глядя равнодушным взглядом надвигающейся грозы.

Но ректора уже было не остановить.

– Вы чудовище, – сбился он на гневную дрожь. – И я не хочу, чтобы такое чудовище училось в моих стенах, среди моих чистых и наивных учеников! Езжайте к таким же монстрам, как вы сам!!!

Напряжение в установившейся тишине ощущалось туго натянутым тросом, готовым лопнуть. И горе тому, кто окажется рядом.

– Не был бы я, как вы говорите, чудовищем, стал бы кто со мной разговаривать? – устало провел Самойлов ладонями по лицу.

А Александр Ефремович ощутил, что может осторожно и тихонечко выдохнуть.

Вскоре дверь за гостем закрылась, оставив ректора с мыслями о том, что неплохо бы завершить рабочий день прямо сейчас. Накатить для успокоения нервов и прогуляться пешком до дома. Заслужил: хотя бы тем, что не дал совершиться тому, за что долгие годы грызла бы совесть... А дочка – получит блестящую карьеру, сама и честно. Ферзен так решил, а Самойлов напоследок пообещал сломать ноги любому, кто захочет поставить ей подножку. Ну, тоже приятный компромисс между собственной честью и осознанием прагматичной реальности...

За окном немелодично зашумел двигатель «опеля», ушедшего на разворот. Следом за ним отъехала одна машина сопровождения. Вторая отчего-то не торопилась продолжать путь – более того, из-за задней дверцы показался кряжистый человек в строгом пиджаке и белой рубашке без галстука. Он мельком оглянулся в сторону отбывших машин и тут же направился к двери кафетерия.

– Забыл что-то?.. – вслух подумал ректор.

Огляделся – и действительно, один из телефонов Максима остался на столе. Но при этом Ферзен отчетливо помнил, как все три телефона, фигурировавших в беседе, отправились обратно Самойлову в карман...

– Александр Ефремович? – уточнил вошедший мужчина, подойдя к столику.

Был он основателен, собран и уверен в себе. Возрастом за пятый десяток лет, но, судя по бицепсам, проступающим под складками рукавов, явно задержится в этом облике до семидесяти – восьмидесяти лет. Слегка полноватая фигура, правда, выдавала сидячую работу, явно составляющую большую часть рабочего дня в последние годы. Дополняли образ след перелома на носу, грубая кожа лица и слегка поломанные уши. Внешность борца, а если добавить осанку – то человека, имеющего определенное отношение к службе. Только взгляд какой-то

странный: блеклый, будто гуляющий – никак не удавалось его поймать. Будто смотрит через человека, чуть выше переносицы.

– Да, вот... – указал ректор подбородком на телефон у края стола и принялся выглядывать администратора. Все же мысль о коньячке и завершении рабочего дня оформилась.

– Разрешите представиться: Борис Игнатьевич. Полковник Имперской службы безопасности. – Достав из внутреннего кармана и махнув на мгновение раскрытым удостоверением, в котором почудилось слово «генерал», мужчина с шумом отодвинул стул и сел напротив, сцепив руки в замок и положив их на столешницу. По телефону он лишь скользнул взглядом, проигнорировав. – Как полагаю, вы уже познакомились с нашим... опекаемым?

– Простите, что?.. – не расслышал Ферзен, с удивлением вглядываясь в собеседника.

– Беспokoиться не о чем. Вы не первый, кого этот молодой человек запугивает и шантажирует, вынуждая нарушать закон. Нам приходится сопровождать этого негодяя, оберегая спокойствие честных граждан. Сейчас мы зафиксируем ваши показания, и он, безусловно, направится за решетку. – Вернув удостоверение обратно в пиджак, полковник демонстративно достал оттуда же крохотный диктофон и положил на стол.

– Да о чем вы вообще?!

– Вам совершенно незачем беспокоиться, – успокаивающе поднял ладони Борис Игнатьевич, – вы находились под давлением и являетесь свидетелем, а не соучастником. Особенно пока сотрудничаете со следствием. – Он включил прибор и чуть переместил его поближе к центру стола. – О чем вы с ним говорили?

– Я категорически не понимаю...

Громко прозвенела мелодия «забытого» телефона, прерывая нервную беседу. Полковник выжидательно посмотрел на ректора, ректор – на него, а затем растерянно на окно, будто Самойлов должен там обнаружиться. И только посмотрев на аппарат и заметив имя абонента, ректор взял его в руки. Звонил некий «Ответьте, будьте так любезны».

Подняв трубку и выслушав пару фраз, Ферзен протянул аппарат через стол:

– Тут вам хотят напомнить о том, что у вас осталось четыре дня.

Полковник заторможенно принял трубку, приложил ее к уху. А затем смял хрупкий пластик могучей ладонью. Громко вздохнул и медленно выдохнул, откладывая обломки аппарата в сторону.

– Итак, Александр Ефремович, что этот человек от вас требовал?

– Ничего, – сложил руки на груди ректор.

– Молчите... Все молчат. Вы понимаете, что этот... останется на свободе из-за вас? Мы бессильны без вашей помощи!

– Вся государственная машина, институт расследования и дознания? – скептически приподнял бровь Ферзен.

– Вы и представить не можете, какие у него покровители! – повысил голос Борис Игнатьевич, но тут же перешел на куда более мягкий тон: – Но вы под защитой государя, вам незачем бояться, – вкрадчиво увещевал полковник и продолжил после многозначительной паузы, демонстративно выключив диктофон: – Просто скажите: что он замыслил на этот раз?

– Я скажу, что Максим будет делать, – ответил Александр Ефремович, глядя в вспыхнувшие злорадством глаза.

Может быть, Самойлов и был чудовищем...

– Он будет учиться, – с железной уверенностью продолжил ректор.

...но, пожалуй, это было самое правильное чудовище в мире.

Глава 2

Клацнула крышка телефона, выщелкнулся аккумулятор, а вслед за ним – сим-карта. Небольшой ящик, до того зафиксированный под автомобильным креслом, проглотил остатки телефона, сыто щелкнув плотной пластиковой крышкой с двумя клавишами и таймером на ней. Включить на пару минут – и все электронное с гарантией обернется бесполезным куском кремния.

– Где-нибудь возле урны притормози, – бросил я взгляд в сторону водительского сиденья.

– А где «пожалуйста»? – буркнула сестра, демонстративно вздохнув на эдакую бестактность.

– Пожалуйста, – терпеливо произнес, развернувшись к багажнику и подтягивая габаритный пакет с угловатыми ящиками внутри.

Движение – и в руках коробка с новым телефоном, абсолютно таким же, как и прежние. Только партия другая, как и город приобретения. Обычный кнопочный, дешевый, надежный, с солидной батареей, которую мы сейчас установим, сняв изоляционные наклейки с клемм. Сим-карта там же, в коробке, – оформлена на мелкую фирму-однодневку где-то во Владивостоке. Но тариф международный и предоплаченный, так что никого это не волнует.

Осталось отбить СМС на короткий номер, добавив пару дополнительных цифр вместе с кодовым словом, – и телефон вновь подключен к информационной системе.

– «Система проблем и катастроф», – невольно вырвалось, стоило экрану засветиться входящим вызовом.

– Школу вспоминаешь? – отозвалась Тоня, с серьезной моськой вырulingая на соседнюю полосу.

Половину дороги заняла дорожная бригада с крайне важным делом – превращением круглых дыр на асфальте в квадратные.

– Вспоминал десятком минут раньше. Хочешь посмотреть, как теплоход тонет?

– Не особо. У нас поход перед первым сентября на нем... – мельком глянул на меня встревоженный взгляд через центральное зеркало. – Что-то не так?

– Характеристику испортили, – пожаловался сестре. – И что я им сделал?.. Эй, что за тишина? Где родственная поддержка? – возмутился я, когда пауза затянулась.

– Вспоминала, что ты им сделал.

– Но хороших дел...

– Тихо! Я еще не все вспомнила! – шикнула она.

– В следующий раз с Катей поеду, – строго постановил, налагая санкции на Тоню в пользу сестры.

Им, близнецам, по тринадцать, и водить без присмотра старших не положено. Раньше уговаривали отца сесть за руль, а как я получил права, то стали категорично требовать от меня того же. Иногда отказаться не удавалось, потому что в обмен предлагались вовсе немислимые ценности – вроде мытья посуды на месяц вперед или выгула Брунгильды в пятом часу утра.

С собакой бегать нравилось, но одновременно с деловыми разговорами на ходу это означало высокий шанс испугать собаку грозным тоном и мчаться потом за ней под тридцать километров в час, пытаясь успокоить. А затем успокаивать тех, у кого прихватило сердце от вида несущегося им навстречу четырехлапого монстра. Брунгильда – собака габаритная. Где-то даже волшебная, если учесть съеденное еще щенком кольцо Силы, которое извлекли только через год, когда игривая Бруня принесла в зубах задний бампер от убогавшей машины и папа заподозрил что-то неладное. Бегать за бамперами отучили, но мчаться на выгуле – есть суть собачьей природы, и участковому, со всеми его жалобами, по сей день приходится довольствоваться этим фактом.

– Мой брат не станет манипулировать любовью к вождению! Мой брат – самый лучший на земле! – попыхтев от возмущения, выдала Тоня, вполне разумно пытаясь замирииться.

– Вот.

– И не важно, что он взорвал школу! Он все равно для нас пример!

– Это было давно и неправда. И я извинился. И так делать нехорошо, – буркнул, скармливая второй использованный телефон системе очистки.

В современном мире, со всей его техникой и системами контроля, крайне вредно звонить из заведомо известного противнику места. После такого полезно менять телефоны и номера, иначе в любых последующих разговорах будет как минимум три участника.

А насчет школы – всего лишь вскрыл перекрытие, добираясь до сервера со школьными отметками. Ну, переборщил немного, но стена ведь не несущая... Тем более все потом аккуратно зашпатлевал обратно, а свидетелей ночного происшествия не было. В общем, если бы не «восемь» по русскому, образовавшегося из-за ошибочной прибавки «пяти с плюсом» к «тройке», никто бы и не догадался.

Машина вильнула к тротуару на остановке, притормозив так, чтобы остатки телефонов можно было метко бросить в корзину с мусором, и резко дернула с места, под визг шин вклинившись во второй ряд.

Разумно удержался от комментария вождения, спасая язык. Глянул назад – один из джипов тут же прижался к остановке, на пару секунд опередив молодого человека в шортах и майке, первым разглядевшего ценный хлам. А вот второй джип, уже догнавший нас в медлительном потоке, продолжил преследование. Один – это, конечно, не два, но сбросить такой хвост у Тони мастерства не хватит. Так что пусть себе ползет следом. Скоро эта проблема решится сама собой. Через четыре дня, если быть точным.

– Что у нас сегодня по графику? – перевел я разговор.

– Тебя бросает девушка.

– Отлично, – откинулся я на спинку, с некоторой обескураженностью постучав пальцами по коже сиденья. – Информация достоверная?

– Мы, между прочим, не просто так «А»-класс! «А» – аналитика! – важно заключила сестра.

– Ну, вы только восьмой... – усомнился я.

– Тебе ее финальную речь дать почитать? Гарантирую совпадение на восемьдесят процентов! Спорим? – азартно повернулась Тоня.

– На дорогу смотри.

– Ой!.. – пискнула она, притормаживая перед безликим микроавтобусом мелкой фирмочки по ремонту сельхозтехники.

А потом и вовсе вдавила педаль тормоза, когда машина впереди встала. Резко прозвучал клаксон нашего авто под неодобрительные слова Тони.

– Чтобы такого я от тебя не слышал. Дома язык с мылом помоешь, – одернул сестру и на всякий случай отцепил свой ремень безопасности.

– Но... – закончила она.

– Кольца активируй сейчас же, – оборвал я, заметив, как распахнулась откатная дверь фургончика.

Капризы кончились моментально, а от Тони по салону повеяло волной Силы, еще не оформившейся в видимую форму защитных щитов, но уже готовую принять любой удар.

– Отбой... – выдохнул я напряжение, стоило разглядеть парня, шагнувшего на асфальт.

Как-то неправильно на него лето действует. Солнышко, витамин «Д» – это я понимаю, но если сравнить нынешнего Артема Шуйского с тем щуплым пареньком, которым он был в день нашей первой встречи, выходило, что распирает его раза в полтора за год. В общем, если быть объективным, Артем не шагнул из минивэна, а выкарабкался из него. Стянул с себя.

А затем жизнерадостным прямоугольным объектом, два метра диагональю, зашагал к нашей машине, распугивая машины со второй полосы.

Был он одет в пеструю майку, будто сшитую из государственного флага какой-то африканской республики, снятого собственноручно с флагштока перед тамошним правительством. Две разросшиеся пальмы ног прикрывали белоснежные шорты, а сандалии казались разорванными внутренним давлением кедами. Ну и конечно же улыбка, искренняя и чистая, чтобы горожане от такой харизмы не стали разбегаться в разные стороны.

– Превед, медвед.

– Привет... – споткнулся он заготовленной фразой и наклонился к окошку. – Ты почему трубку не берешь?

– Здравствуйте, – ангелочком пропела Тоня.

– Привет! – отреагировал на нее Артем, ослепив отраженным от зубов солнечным светом. – У тебя сегодня крутой водитель, а?

– Ага. Правила соблюдает, посередине дороги не встает.

– Слушай, мы тебя еле в городе отыскали, – с укоризной отреагировал он. – Всех постовых подняли, чуть ли не план «Перехват». А у тебя вон телефон вызовом мерцает. Почему не отвечаешь?

– Я тебя в последний раз видел два года назад, – повернулся я по направлению движения машины и добавил холодно: – И ты был очень занят для меня.

– Максим! – Крыша «опеля» жалобно простонала от возмущенного движения руки Артема. – Дался тебе этот момент!

– Это был очень важный хоккейный матч, и ты должен был стоять на воротах!

– Да я в эти ворота еле влезал!

– Ты был идеален для этой миссии, – согласно кивнул я. – Без тебя мы чуть не проиграли.

– Так, стоп! – поднял он руки. – Но не проиграли ведь, верно?

– Да, без тебя.

– Так в чем дело?!

– Вы тоже справитесь без меня.

– Да там твой родственник в аэропорт приехал! – воскликнул Артем, теряя терпение. – Рухнул с неба на взлетку без разрешения, попробуй его выкинь теперь, «виртуоза» чернородого! У нас аврал, эвакуация! Сорок рейсов возвращены, две тысячи человек кое-как устроили по всем гостиницам!!!

Мимо, объезжая нас, пытались прислушиваться к экспрессивной речи другие водители, но неведомо откуда взявшийся регулировщик быстро оживил движение. Даже двух наших попутчиков на джипах тоже прогнали вперед.

– Грустно вам... – покачал я головой.

– Да он тебя требует, Максим! Тре-бу-ет! У меня в княжестве!!! – чуть ли не рычал Артем, от гнева сжав ладони в кулаки.

– Совсем грустно. Сочувствую.

– Да есть в тебе хоть капля понимания?! – посмотрел он хмуро, вновь кладя лапищу свою на крышу машины. Сталь ощутимо прогнулась, но убирать руку он не стал.

Я бы, наверное, предложил ему присесть, если бы хотел. Но ведь раньше была дружба, а стало «я занят» и «я очень сильно занят», быстро сменившееся в «Артема нет» голосом камердинера. Отец говорил что-то про его статус, а по мне так статус друга – он всегда выше.

– А ты мне прикажи, – холодно предложил я ему.

Вообще, может. На его земле живем, хоть и присягу не давали. Под его защитой стоит дом. Правда, я спас ему жизнь, но за это они уже откупились парой построек и княжеским самолетом с бесконечным топливом.

– Ты сам-то как? – после паузы и досадливого закусывания губы спросил он.

– С универсом не получилось. На работе проблемы. Девушка бросает. Тонь, точно бросает?

– Ага.

– Вот. Как выпускной? – не дал я ему время проявить эмоции.

– Да там... – махнул он рукой, глядя на дорогу. – В лес пошли, до родников. Все клещей наловили – слезы, сопли, истерика, предсмертные признания в любви. Никакой водки не надо, полный комплект. Вообще по лесу ходить не умеют. А у вас?

– Ресторан хотели нанять, так в последний час решили на теплоходе. Удачно вышло – на первом этаже здания в тот вечер сберкасса грабили, в зале людей постреляли.

– Да, слышал. Ищут гадов, обязательно найдут.

Я чуть наклонился вперед, выглядывая черные джипы. Недалеко, возле магазинной парковки перед поворотом стоят.

– Остается пожелать удачи.

– С университетом помочь? – искренне, как показалось, спросил Артем.

– Нет, в Москву поеду. Три дня, чтобы документы подать. Успеваю.

– А может, и правильно, – согласился он. – Я бы, веришь, сам махнул. От этого всего, – указал он на город. – Хотя бы лет на пять.

– Сложно это, дорого, – посочувствовал уже искренне.

Ведь его бизнес – размером в княжество. И тут даже не две тревожных трубки вводить надо, а даже не знаю, как и быть.

– Но у тебя же получилось? – неожиданно произнес Артем.

– У меня в аэропорту не сидит непонятно кто.

– Ой, не травми душу... Ладно, сами разберемся, – вздохнул он. – Извини, что попытался тебя в это дело втянуть. Я ведь понимаю...

Для Артема вовсе не секрет, что у меня есть только одни родственники – те, что живут в моем доме. Иные, кто считают меня своим вне моей воли, мне чужие. И мне все равно, что они там хотят.

Но, откровенно говоря, любопытно, для чего нужно делать из нашей встречи шоу на всю страну. Даже настолько любопытно, что...

– Артем.

– А? – повернулся к нам уже отошедший к своей машине парень.

Мелькнула на секунду надежда. А может, просто вера в меня.

– Заеду в аэропорт на пару минут.

– Спасибо!

– А вы не могли бы этих дяденек не пускать за нами? – похлопала ресницами Тоня, указывая Артему на джипы.

– Это кто? – сурово спросил Артем, прицениваясь к объектам. – Обижают? Хамят?

– Трогать не надо, – пресек я самодетельность сестры. – Люди на службе, документы в порядке.

– Как они появились – Максим дельфинов к Шуваловым отправил, – все же поделилась горестью сестра. – В школу через секретный ход ходим.

– Максим? – внимательно посмотрел на меня Шуйский.

– Это не проблема, – успокоил я его. – Верь мне.

– Допустим, – осторожно кивнул он.

– Удачи, – попрощался я, велел Тоне вырывать за город, к аэропорту.

– Мы закроем дороги всем, кроме вас, – наклонился напоследок к окошку Артем и шагнул вбок, занимая для нас вторую полосу.

Вышло очень удобно. По эффективности регулирования движения, пожалуй, я бы поставил его в рейтинге на первое место, прямо перед бетонным блоком. Потому что если кто-то врежется в бетонный блок, тот не даст сдачи.

– Максим, – тихо спросила сестра, когда мы проехали парковку магазина и черные внедорожники снова пристроились за нами. – А все-таки кто это?

– Это те, кто уже упал, но отчаянно пытается вылезти из закрытой банки.

Глава 3

Громада международного терминала застыла в конце длинной дороги, будто не приближаясь, несмотря на мелькавшие по сторонам столбики километровых отметок. Вокруг – скошенное поле травы, редкие ленты высоких деревьев, останавливающих разогнавшийся ветер. На трассе никого, кроме нас, – преследователей остановил блокпост на повороте. Те, как я успел заметить, пытались отмахнуться от постовых красными корочками, но вместо этого дорогу им заградил БТР охранения, встав на все три полосы движения к аэропорту, а документы унесли на проверку. Ничего незаконного, в самом деле – свяжутся с отделением внутренней стражи в княжестве, проверят, извинятся и, козырнув, пожелают счастливого пути. Но к этому времени мы вернемся.

Тоня выжимала максимум из машины, уронив стрелку спидометра вправо, но скорость ощущалась так себе. Наверное, если открыть окна, то ворвавшийся ветер подсказал бы, каково это – под две сотни километров в час, однако я запретил. Да и погода изрядно испортилась, собираясь грозowymi тучами над головой.

– Снижай скорость, – попросил я, заметив первую каплю дождя, тонкой полоской разлетевшуюся по дверному стеклу.

Машина послушно сбросила газ. И, будто дождавшись этого, силуэт аэропорта скачком стал ближе. Много стали и зеркального стекла, ныне тусклого из-за нависавших над ним темных облаков. Силуэты самолетов, крошечных на фоне терминала, пустые прямоугольники гостевых парковок, алые капли пожарных машин и «скорых». Некоторое скопление автомобилей у самого входа, заехавших по бордюру прямо к стеклянным дверям.

– Нам к ним? – скорее утверждая, произнесла Тоня, глянув на меня в центральное зеркало.

Подтвердил ей коротким кивком, бросив взгляд на «рабочий» телефон, выключенный после недавнего разговора. Сложно удержаться и не включить, вновь встав в центр всех решений и ответственности. Тут даже не работа, не бесстрастные цифры, отсчитывающие прибыли и убытки на расчетных счетах, а ощущение заботы за выстроенное самим собой. Наверное, с некоторых пор действительно избыточное. Справятся, выдержат, пойдут дальше и шагнут на новую высоту, иначе какой из меня руководитель, если бы все дышало только одновременно со мной, думало только моими мыслями. Надеюсь, через пять лет мне достанется гордость за них, а не сожаление, что выбрал не тех и поставил не на то. Уверен, что будет только гордость.

Кризисный телефон тоже молчит, Шуйские уже в курсе. Артем, конечно, не хозяин тут всему – над ним есть отец. Но решают и думают они семьей, высказывая свой гнев и свое «я» за всех вместе. Если позволить себе немного гордыни, вполне может получиться, что именно из-за меня Артем упрямил отца не вышвыривать нежданного гостя, всякий раз пытаюсь ко мне дозвониться. Просто потому, что тот приехал ко мне.

А они могут вышвырнуть кого угодно, скорее даже должны были так сделать для поддержания своего статуса и чести. Несмотря на то что в результате, скорее всего, придется отстраивать новый терминал. «Виртуоз» стихии огня – это очень много солнца, разлитого по бетону взлетных полос, по этажам терминала, по его крыше и в воздухе вокруг. Солнца, что не радует мягким теплом и бежевым светом, но плавит до черной пыли. Эту стихию практикует Амир, названный брат моего биологического отца. Других чернобородых виртуозов я среди той семьи не помню. Разве что дед решит сменить облик, как он это умеет... Но тогда Шуйским действительно лучше договариваться.

Так получилось, что своего отца я не знаю вообще, а деда – единственного, с кем из рода знаком лично, – впервые встретил четыре года назад, когда тот устроился в нашу семью преподавателем, под чужим именем и личиной. Невысокий старик с умными глазами и распо-

лагающей улыбкой, бороздами импозантных морщин на лбу и длинными пальцами пианиста, он представлял собой образец честности и профессионализма, компетентности и еще десятка восхваляющих слов, благодаря соответствию которым ему передали заботу о доме (вместе с повышением оклада) и стали пускаться за общий стол, внимательно прислушиваясь к советам.

После ряда важных событий в моей жизни я выяснил, что мое желание называть его дедом совпадает с реальностью, данной от рождения. То, что он может быть частью довольно известной фамилии, не тревожило – ведь в цепочке родства той семьи больше тысячи человек, и она точно не обеднеет, если дед станет частью нашей.

Узнал же я, кто он на самом деле, тремя месяцами позже, после его стремительного отъезда «по делам». Узнал из новостной передачи.

Надо сказать, деду очень шел строгий костюм с серебряным шитьем, мрачным алым гербом у сердца и тяжелой золотой цепью на груди. Пожать руку старому князю Юсупову, «вернувшемуся из долгого путешествия», выстроилась целая очередь из желающих, умудряясь даже при солидном росте заглядывать снизу вверх в глаза не самому высокому человеку в поисках его внимания и милости. А говорили, что он погиб давным-давно...

Передачу в нашем доме смотрел не я один.

Этим же вечером все его вещи в доме были собраны отцом и высланы в ближайшее представительство Юсуповых, вместе с запиской о расторжении контракта, тщательно подсчитанной суммой полагающихся отступных и требованием никогда более не появляться на пороге нашего дома.

Моя нынешняя семья стала таковой пять лет назад. Хорошая семья из папы Михаила, отличного мастера-ювелира и великого сердца человека; веселых и никогда не унывающих сестер-близняшек Тони и Кати, начинающих аналитиков и автокаскадеров; самого лучшего на свете брата Федора, настоящего и будущего гения артефакторики. Одновременно с этим моя семья очень скромна и вовсе не требует от мира чего-то особенного. Счастье для них – просто в том, чтобы не падали с неба снаряды, а соседние дома не горели в огне. Нет семьи более жизнерадостной и веселой, чем мои новые родичи.

Пять лет и два месяца назад те снаряды, которых боится Федор, которые сняты по ночам сестрам и которые разрушили старый дом отца, посылались по приказу князей Юсуповых.

Только вот в те времена «могиле» деда уже было два десятка лет, и никакие новостные издания, даже самые желтые, не сомневались в его смерти от старости. Выходит, не было его вины в той войне? Семья считала иначе, а я теперь – часть семьи.

На следующий день дед стоял у калитки за воротами, не замечая льющегося с небес дождя и заходящейся громом грозы. В том же самом костюме, виденном по телевидению, перед черным лимузином с распахнутой задней дверцей, он требовал от отца меня. Было не похоже, что просто поговорить.

Папа Михаил тоже стоял под дождем, по нашу сторону забора, и, чуть наклонив голову, звучно поцокивал тяжелыми зачарованными перстнями на пальцах. Он уже успел ему отказать.

Между ними, на металле ограды, был охранный знак княжества Шуйских – предупреждение, что никто не смеет угрожать этому дому без риска вызвать гнев хозяина окрестных земель. За спиной отца, над дверью, тускло смотрелась охранный калита Древичей – символ защиты дома могучим и закрытым воинским объединением. Для кого-то иного – знаки судьбы, достойные того, чтобы развернуться и молча уйти. Но дед – не из их числа.

– Уходи. – Для этого слова мне все же пришлось выйти из дома ему навстречу.

Дождь быстро пропитал рубашку и брюки, растрепал прическу и закапал с подбородка. Я стоял рядом с отцом, глядя на обретенного было, но навсегда потерянного деда.

– Пойдем со мной, – надавил Юсупов голосом и протянул ко мне руку. – Я отведу тебя к отцу, матери и сестре.

Я отрицательно повел головой. Потому что семья – она тут. Даже дед – и тот мог бы стать настоящим дедом, принятым в семью. Но для этого ему не следовало возвращать старую фамилию.

Небеса вспыхнули сетками молний и взревели громом гнева человека, стоящего напротив.

– Тогда я заберу тебя сам, – принял он решение и шагнул вперед.

Второй шаг он сделал по ярко освещенной солнцем траве. Даже шагнул третий, до того, как остановиться и недоуменно посмотреть в небеса над собой.

Там, где быстро расходились в стороны грозовые тучи, ведомые моей волей.

– Навсегда уходи, – отвернулся я от него и, бережно взяв отца за руку выше запястья, повел его обратно домой.

Когда мы уже дошли до калитки, позади хлопнула дверь лимузина, а шелест колес обозначил разворот машины.

Пять лет с тех пор прошло. Забыл ли дед про меня? Как видите, вспоминает иногда.

Авто лихо забралось на бордюр и подкатило к главному входу. К машине тут же метнулся мужчина лет тридцати, с видом озабоченным и обрадованным, будто все его проблемы сейчас же будут решены. На его белой рубашке красовался бейджик с эмблемой аэропорта и неопределенной должностью «Старший супервизор» чуть ниже имени «Семен».

Дверь «опеля» с моей стороны попытались вежливо открыть и недоуменно посмотрели через окно, когда это не получилось.

– Медведь, блин, – проворчал я, тоже предприняв попытку распахнуть створку.

Заклинило, и тут явно замешана тяжелая рука моего товарища. Пришлось выбирать с другой стороны и смотреть на ненатурально-счастливую улыбку встречающего, в глазах которого уже было некое сомнение. Потому что спасение редко приезжает на потрепанном «опеле».

– Максим Михайлович? Очень рад, – заключил он мою ладонь в две своих и энергично пожал. – «Гость» – на втором этаже терминала; я вас лично провожу до эскалатора. – Он открыл дверь и выжидающе посмотрел на меня.

Я же не торопился и внимательно осмотрел лица всех «встречающих» со стороны Шуйских, заглянул в окна их машин и неспешным шагом вернулся обратно. Никого из главных семей рода. Свита Артема, все до единого – охранение, консультанты, солдаты.

Остановился напротив Семена и приподнял бровь, ожидая комментариев.

Тот изрядно занервничал и упустил дверь в терминал, тут же распахнув ее вновь.

– Они же не внутри, верно? – И речь тут совсем не о гостях.

– До прибытия Старших рода сорок минут, – посмотрел он нервно на наручные часы.

– Значит, не будем медлить, – вздохнул я и обернулся к нашей машине. – Тоня, езжай-ка ты обратно, – посмотрел я на иссиня-черное небо над головой, в которое успела превратиться непогода с легким дождем.

– Что-то не так? – тревожно спросила она, заводя таки мотор.

– Все будет нормально, – с улыбкой попрощался я и зашагал внутрь терминала.

Перед Артемом надо будет извиниться. Может, даже ящик меда заказать, или что там ему нравится. Через сорок минут тут будет война – и будет она вне зависимости от того, есть я тут или нет. Потому что таков ответ, когда на твою землю приходит чужак и не подчиняется твоим законам. Тут не до денег и возможного ущерба.

Но шанс поговорить друг мне подарил. Звонил, уговаривал, нашел в городе и приехал ко мне сам. Нужен ли он мне, этот шанс? С моего места не очевидно, но рядом с тронем Шуйских вид гораздо лучше.

Путь шел через гигантские залы, пустые и обесточенные. Кое-где остались чьи-то рюкзаки, нелепо замерли посередине зала тележки. Эскалаторы стоят, табло смотрят черными пря-

моугольниками со стен. Только аварийные выходы подсвечены тусклым красным светом автономных батареек.

– Нам налево, – оглянулся на меня Семен, и заспешил вдоль зеленой полосы на полу.

Поддавшись моменту, я перешел на легкий бег, а сопровождающий будто того и ждал – тут же рванул еще быстрее. Необъятные пространства терминала уместились в десяток минут, а время до конца света в отдельно взятом месте уменьшилось на четверть.

– Вы уж как-нибудь... – пытаюсь отдышаться и с тревогой глядя внутрь второго этажа, замер Семен на вершине эскалатора, – поговорите, а?..

Речь, понятно, не о встрече и обмене словами.

Мне от Артема – шанс что-то услышать. Ему от меня – наверное – сохранение аэропорта и уважение от семьи за это. Только Артем рискует гораздо больше, потому как шансов на мирное решение не слишком-то и много. Для этого нужно, чтобы извинялись Юсуповы, а они это делать давно разучились. Но свое я наверняка получу или услышу.

– Поговорим, – согласно кивнул. – Попробуем.

Дальше я пошел один, выглядывая в секторах кресел неожиданных гостей. Нашел минут через пять – на диванчике возле окна, лицом к свету.

Одинокая фигура восточной внешности в белоснежном европейском костюме, с контрастирующей черной бородой и с декоративной тросточкой светлого металла. Все-таки не дед.

Мельком оценил вид из окна – бегодня по терминалу вывела нас на место над самим входом. Как на ладони видна магистраль до аэропорта, с замершим вдали «опелем». Если приглядеться, где-то там точка блокпоста – и именно оттуда к аэропорту приедут хозяева этих мест: вершить закон и ровнять тут все с землей.

– Я пришел, – вместо приветствия обозначил себя, встав поодаль и чуть сбоку от Амира, не загораживая ему вид.

Поговаривают, страшный человек, знающий любовь и милосердие только к своей семье. Но выглядит вполне обычно, лицо не хранит жутких шрамов, а руки, что на трости, чисты и ухожены. Впрочем, если есть знакомый Целитель, то внешний вид зависит только от настроения.

– Твой дед сказал передать тебе это, – неспешно запустил он руку во внутренний карман и достал плотный конверт с чем-то объемным внутри, – кем бы ты себя ни считал.

Чтобы забрать, шагнул ближе. А затем и вовсе присел рядом, с интересом просматривая документы, оказавшиеся внутри.

– Самойлов Максим, – открыл я чуть потрепанный паспорт, лежавший сверху, – из мастеровых...

– Хочешь называться Самойловым – твой выбор. Называться простолюдином – тоже, – оценил мою реакцию Амир, чуть скосив на меня взгляд, – но родился ты у нас, в нашем княжестве, и так будет записано в твоём документе, – постановил он мощным, хорошо поставленным голосом без намека на акцент.

– Тут написано: день рождения – сегодня? – поднял я удивленный взгляд.

– Это правда.

– Но... девятнадцать лет?.. – усомнился я.

Совсем недавно праздновали семнадцать.

– Неправда, – согласился Амир. – Тебе семнадцать. Но эта неправда защитит твою мать и сестру. Тебе ведь все равно, верно?

– Им тоже все равно: как я и где.

– Некрасиво, – укорил он, – не нужно так думать о семье.

– Я в чем-то не прав?

– Твоя сестра заботится о тебе... – вздохнул он. – С самого детства. Ты не знаешь этого, но в том твое счастье.

– Никогда ее не видел. – с равнодушием, слегка припорошенным любопытством, произнес я.

– Не старался, – пристукнул он тростью о пол. – Дед к нему едет, а он его с порога гонит...

– А мама? – проигнорировал я ворчание.

– Виктория Павловна работает у вас? – спросил он неожиданно.

– Английский вела до прошлого года... – припомнил я автоматически знакомое имя.

– Вот, – буднично постановил он.

А у меня холодная волна, прокатившаяся по телу, сменилась жаром, а затем недоверием и надеждой, в которой было намешано столько всего...

– Она? – робко уточнил я.

Самая любимая учительница, так добро и с любовью улыбающаяся классу... или только мне?

Не заметил, как кусаю губы и верчусь тревожно, не зная куда деть руки. Из эмоций – желание бежать в город. Да, она уже уехала, год назад, но остались фото в фойе школы. Память – крепка, но вдруг выветрилась хотя бы малость?

– Она. Не думай о семье плохо, – усмехнулся Амир. – Знаю, ты считаешь – твоя семья тут. Это правда, но только часть ее. Теперь у тебя две семьи.

– Как я могу защитить мать и сестру? – собрался я, обуздав эмоции. – Что им угрожает?

– Главная угроза – это ты, – повернулся ко мне дальний родич. – Нельзя, чтобы вас считали родней. Опасно для них. Но ты – наш, и это тоже важно.

– Но зачем тогда... – посмотрел я на документы, в которых не было и намека на происхождение.

Даже город, улица, номера дома и квартиры – и те обыденные, просто находятся в княжестве Юсуповых.

– Самолеты, завернутые домой. Тысячи людей, которые не могут вылететь и прилететь. Не все из них, но самые важные и влиятельные спросят – почему? Что задержало и нарушило их планы, кто повинен? Те, кто обладает деньгами, узнают обо мне. Те, кто обладает властью и умом, – об этой встрече. Узнают о тебе, а этого достаточно, – внимательно смотрел на меня Амир. – Род признает тебя, Максим. Таким, какой ты есть. Сыном своего отца, но увы – не матери. Братом сводных братьев, но без родной сестры. Называйся Самойловым, но Юсуповым ты от этого быть не перестанешь.

Под паспортом – свидетельство о рождении... Затем медкарта – тоненькая, сложенная пополам, но подлинная. Всего три документа, считая паспорт. Но главное – подлинный день рождения. И знание, какие фотографии следует поднять, чтобы увидеть маму снова, запомнить ее облик, даже если она переоденется; восстановить в памяти походку и тембр голоса, если ее поведут к Целителю... и искать.

– Это о хорошем, – вздохнул он и вновь посмотрел вперед, в окно.

– Я слушаю, – подобрался я.

– Вне зависимости, примешь ты эти документы или оставишь их здесь... – начал он и замер на длинную паузу. – Кое-что будет с тобой всю жизнь. Ответственность за то, кто ты есть. Ответственность за то, кем станут твои дети. Потому что ты – наша кровь, и дети твои будут нам родичами.

Я промолчал, давая ему досказать свою мысль.

– Выбирай свой путь сам, – поднял он примирительно руку. – Но, выбирая пару, наше одобрение ты получить обязан, – жестко завершил он. – Наш род – река, и нечего пачкать ее воды...

– Амир... – сухо прервал я его, уловив недобрый намек.

Одновременно гроза над аэропортом произнесла его имя двумя раскатами грома.

– Елена Белевская тебе не подходит, – продолжил он тем же тоном. – Прими это и постарайся больше не ошибаться.

– Вы посмели?! – потонул гневный возглас в грохоте расшалившейся стихии, когда я припомнил слова сестры и сопоставил с услышанным.

– Это был ее выбор, – посмотрел он на меня равнодушно и переложил серую папку с места слева от себя мне на колени. – Читай, пока есть время.

Он привстал с места и посмотрел вперед, на шоссе, где показались пока еле видимые точки машин.

Я меланхолично полистал бумаги досье со знакомой фотографией на первой странице в углу, ловя текст целиком, не вчитываясь, но выделяя самое главное. Всего шесть листов крупным шрифтом. Немного, познавательно.

– Не надо считать бесценным сокровищем то, что можно купить, – болезненно донеслось до сознания, а затем холодный тон сменился состраданием: – Больно?

– Нет, – ощутил я внутри себя холод и сотни образов и картин общей с ней памяти, выцветающие пустотой.

– Это хорошо, – одобрил он. – Может, выйдет из тебя толк. Было бы неплохо. А то смотри на чем едешь... – презрительно хмыкнул он. – Даже дверь не открывается. Водителя нет, свиты нет, все деньги призовые потерял, как воду в песок пролил. Твоя сестра – изумруд, сапфир по сравнению с тобой, недостойным!

– Всего доброго, – мельком глянул я на него, забирая досье Елены и новые документы.

Первое – потому что личное. Второе – потому что это поможет матери. С сестрой я не знаком, но похвала родни в ее адрес настораживает.

– Такси лучше заказывать из города. Тут дорого, – напоследок махнул я рукой и направился на выход из терминала.

А скептический взгляд Амира проигнорировал. Не нравятся ему деньги, «пролитые в песок» Каймановых, Сейшельских островов и Кипра – его дело. А то, как мне выглядеть и жить, не совсем от меня зависит.

Давит на плечи кодекс правил. Правило о том, что машина должна выглядеть скромно и неброско. Правило о том, что нельзя превышать скорость, разговаривать за рулем, ездить без ремня безопасности... Правила общения с другими людьми... Правила ведения бизнеса... Много правил, которые я обещал и буду соблюдать.

Как и правило не захватывать мир до получения высшего образования. Но эти пять лет и мы и мир как-нибудь перетерпим.

– Господин!.. – обратился к Амиру вышедший из глубины зала слуга, со взволнованным видом прижимая к себе трубку спутникового телефона. – В самолете вся электроника выгорела! Не можем взлетать!

Тот скривился, будто лимон разжевал:

– Характер отвратительный, как у деда. Что Шуйские?

В данный момент кавалькада автомобилей с гербовыми номерами княжества замерла на середине дистанции до терминала, остановившись около «опеля», уже забравшего своего владельца.

– Молчат, – недоуменно повел он плечами.

Конфликт в общем-то Юсуповым был не нужен, так что в последний момент было передано предложение разойтись мирно. То есть Юсуповым – воздушный коридор, Шуйским – оставшийся целый аэропорт и символические подарки. Хорошее решение проблемы с сохранением лица всех сторон: согласие уже давно должно было поступить.

Между тем вся кавалькада машин резко повернула обратно в город.

– Не понял... – изумился Амир, подойдя к окну.

– Господин, тут вас к телефону... – с несколько обескураженным видом вновь подошел слуга.

– Наконец-то! – хмыкнул он, принимая трубку. – Шуйские? – уточнил, зажимая ладонью микрофон.

– Н-нет, – замотал тот головой и округлил глаза. – Смотритель крепости Биен.

Амир также отреагировал удивленным выражением лица – с чего бы ему звонить...

– Милый мой ученик... – раздался в динамике до боли знакомый ворчливый голос, от которого тело резко приняло стойку смиренно, а недостойная армейского распорядка трость глухо хлопнула, отлетев куда-то в сторону. – Ты там совсем страх потерял – ребенку день рождения портить? – спросили Амира вкрадчиво – да так, что поднялись стоймя волосы на спине.

– Я-а... – растерялся тот.

– *А ну марш из аэропорта!*

– А у нас самолет... не работает... – обескураженно оправдался он.

– *Такси возьми! Всё!*

Последовали короткие гудки.

Амир с видом дикого удивления и опаски посмотрел на трубку, а затем перевел взгляд на трассу:

– Жил бы себе и жил, зачем его трогать, а?..

Глава 4

Кавалькада машин выдерживала стабильные сто десять километров в час по безлюдной трассе, пронесшись сквозь спешно разведенные барьеры поста, и с той же скоростью повернула на городские улицы.

Впереди вручную переключали светофоры на зеленый, освобождали полосы и блокировали прилегающие выезды знаками регулировщиков, приветствуя череду машин с флагами княжества на капотах и гербами на номерах.

Редкое дело – выезд первых лиц княжества, оттого не сильно раздражающее простых людей. Отношение к промелькнувшей кавалькаде – как к экипажу «скорой помощи» или пожарной службы; и это недалеко от истины, если представить оба процесса как нечто единое. Только под угрозой всякий раз здоровье всего княжества и целостность его стен, которые коварный враг то и дело норовит поджечь. Вечером телевизор расскажет, что произошло, а до того – остаются слухи и пересуды. И невероятное удивление от вида обнаглевшего микроавтобуса строительной фирмочки и старенького «опеля», затесавшихся в конец кортежа.

– Ох и попадет им!.. – хлопнет кто-то по рулю, с долей одобрения глядя на лихачей.

А кто-то решит повторить маневр и будет тут же прижат к обочине черным джипом сопровождения до того момента, как подъедет машина патрульной службы, и рамный внедорожник не рванет вновь с места вдогонку к остальным.

Вскоре кавалькада разделилась, своей мрачной и сурово-представительной частью свернув к старому городу. Остались микроавтобус да иностранная легковушка, отвернувшие к малоэтажному пригороду. Правда, тут же от первой группы, вильнув зигзагом на все четыре полосы, резко отвернули две машины сопровождения и заторопились им вслед.

Остановилась вторая группа возле высокого кованого забора частного дома: микроавтобус и легковая – возле самой калитки, а охранение предпочло перекрыть всю дорогу на отрезке в пять сотен метров, с той и другой стороны. Движение в этом районе полусонное, так что жаловаться на неожиданную преграду оказалось некому.

Я еще раз подергал заклинившую дверь, махнул на нее рукой и выбрался из противоположной.

– Нормально все? – наклонился я к водительскому окошку.

– Это было невероятно... – с бессмысленной улыбкой произнесла, сжимая руль и глядя куда-то вперед, Тоня. – Сорок минут на зеленый! Кате ничего не говори!

– Почему? – заинтересовался я.

– Она меня убьет, если узнает, – повернулась сестра ко мне, сияя, как забытая в одной комнате с Брунгильдой тарелка из-под торта.

– Ладно, – качнул я плечами, – давай пока в дом, гараж открывай.

– Хорошо, только я к Катке сбегая сначала, и откроем!

– А как же?..

– Если промолчу, меня саму разорвет! – И она унеслась к дому.

– Вот логика... – указал я на сестру подошедшему от микроавтобуса Артему.

– Это нормально, – махнул он рукой, – мне вон мама панамку передала, чтобы голову не напекло. Мне! – возмутился он, проведя по густой шевелюре.

Так-то у него в загривке пуля застревает, поговаривают. Очень необычный молодой человек.

– Отказался? – С интересом глянул на него, предполагая ответ.

– Нет, почему, – смутился он, – надеваю. Только я же в фургоне этом, а на улицу всего на пару минут.

А иначе и быть не могло. Матери у них в семьях это... Ну, я ни одну из них не видел, это несмотря на то, что жизнь ему спас и нас вместе с крыши княжеского дворца снимали.

Зато мы дали имена всем пяти будущим соколятам.

– Домой к нам зайдешь? Есть мороженое. Много. Можно с медом.

– Нет времени, – виновато развел он руками. – Я поблагодарить хотел, – протянул он навстречу свою лапищу и убедительно потряс мою руку в крепком пожатии.

Аэропорт остался целым, без войны и неприятной дипломатии, когда о тебя вытирают ноги, а ты улыбаешься и приглашаешь заходить еще. Его родня высоко это оценит, а уж зрелище отъезжающего из аэропорта Юсупова Амира со свитой, на вишневых «девятках» начинающих свой путь в соседнее княжество, обещали заснять со всех ракурсов и прислать копию. Попросту других машин такси внезапно *нигде* не оказалось. Все занято, бывает. Тут главное руками виновато разводить и не смеяться глазами слишком сильно.

– Тебе тоже спасибо, – ответно пожал я крепкую руку.

– Да ладно тебе... А что хотели-то? – любопытствовал-таки Артем. – Если не секрет, конечно.

– Да какой секрет... – пожал я плечами. Скоро сами догадаются. – Признали, дали документ о том, что на два года старше. Дату дня рождения поправили на настоящую. Плюс еще мелочи, – грустно посмотрел я на дом и почти сразу отметил любопытствующее лицо Лены за занавеской второго этажа.

– Сильно, – положил он пятерню на свой затылок и принялся массировать умственную деятельность. – Фамилию свою дали?

– Нет, оставили эту, – не стал я делать секрета.

– Значит... – замялся он.

– Бастардом, наверное, – подсказал я ему то, что он не хотел произносить.

– Не так плохо, если подумать, – скрывая скепсис, произнес Артем. – Права те же самые. Герб можно носить... хотя, если честно, я бы не советовал, – вздохнул он, откидывая напускной энтузиазм. – Я думал, в семью возьмут.

– Старые мои документы они аннулировать не могут?

– Нет, конечно.

– Значит, вообще без разницы, – пожал я плечами. – Что он приехал, что нет.

– Тогда за что «спасибо»? – удивился он.

– За то, что посчитал это важным для меня, – признательно посмотрел на него. – Нашел, придержал родных и все организовал.

– Я ведь ради аэропорта... – засмутился друг.

– Да кого ты обманываешь, топтыгин? Ты же знать не мог, зачем он приехал, – усмехнулся я алым пятнам смущения на его щеках. – Если бы Амира по другой причине прислали, мы бы там все до фундамента снесли.

– Ну, я не думаю, что было бы все так... остро, – отвернулся он чуть в сторону. – Я верил, что вы договоритесь в любом случае.

– В общем, спасибо, – хлопнул я по плечу этой громадине. – За веру – тоже. Будет тебе подарок. Правда, хотел к дню рождения, но... – махнул я рукой с улыбкой.

– Да не надо... – засобирился он. – На день рождения – приглашаю! Встретимся еще! – попятился он к машине.

– Присядь пока в мою, – указал я на «опель». – Или панамку надень, печет.

И спокойно повернул к дому. Позади, конечно, пытались извиняться и сообщали, что вот-вот уедут, но обязательно позвонят. Однако, как ожидалось, ни шума мотора, ни звука шин отъезжающего микроавтобуса не было. Артем – весьма культурный и приличный молодой человек и даже некогда носил очки. Он так не может.

– Привет! – махнула рукой Лена с дивана в гостиной. – Артем Шуйский зайдет? – с интересом посмотрела она за окошко.

Я приветственно качнул головой и тут же повел отрицательно, обозначая ответ.

Заготовленный подарок оказался на своем месте, в огнеупорной ячейке потайной секции шкафа. Увесистые папки, которые пришлось нести обеими руками, предварительно замотав в праздничную ткань и обвязав шелковой лентой. Разве что одна бумажка, слегка потрепанная, осталась наверху – хрустящая, с записями, пропущенными через копирку, оттисками нескольких печатей и нечитаемыми закорючками росписи. Но главное – все на ней отлично читалось. Ну и еще кое-что прихватил и положил вместе с остальным во вместительную холщовую сумку.

– Вот, – потеснив Артема на заднем сиденье своей машины, сел я рядом и положил папки из сумки пока что между нами, украсив бумажкой-копией.

Осталось только загадочно посмотреть и дожидаться реакции.

Артем, правда, делал вид вежливого, но очень опаздывающего гостя – то есть смотрел на часы, тоскливо поглядывал на микроавтобус, да и вообще...

– Это что? – заинтересовался он, мощно вдыхая воздух, будто принюхиваясь.

А бланк-то сверху знакомый, угу.

– Ничего не напоминает? – подбодрил я его, указав на хрустящую бумагу железнодорожной накладной.

– А должно? – посмотрел он на меня чуть настороженно, внимательно вчитываясь и хмурясь.

– Емкости с фенолом. Сошли с рельсов позавчера в двадцати километрах под Шуйском, разбились и упали в мелкую речку – приток Шуи.

Артем вздрогнул и вцепился в бумагу так, что та стала расползаться под пальцами.

– Район оцеплен войсками, бригады МЧС осуществили ликвидацию последствий, движение поездов приостановлено на шесть часов, блокированы проезды двух близлежащих поселений, на объекте за зоной оцепления работали четыре бригады «скорой помощи» и два вертолета пожарной службы.

– Ты обещал подарок, – глухо отозвался Артем, пока еще не пуская свой рык наружу.

– Там не было фенола... – вздохнул я, грустно улыбнувшись. – Это мои цистерны. Проблема в том, что министры вооруженных сил, министры МЧС, транспорта, экологии, здравоохранения и дорожного движения – твои министры. А ты ничего не знаешь, – указал я пальцем на накладную, уже почти порванную им.

– Я ничего не понимаю, кроме того, что ты мне пока еще друг, – наклонил он голову и хмуро посмотрел исподлобья.

Я поудобнее сел в кресле машины и посмотрел вперед, разрывая контакт взглядов. Иначе точно заведется.

– Это работает как фильтр. Берешь большую грудку денег и ставишь на самый верх. Внизу должно оказаться столько же, ведь деньги чистые и без криминала. Но, знаешь, прилипает, и существенно, где-то там, внутри механизма.

– Ты будешь рассказывать, как купил моих чиновников? – прогудел Артем.

Я укоризненно посмотрел на него и задержал взгляд на десяток секунд, пока тот не смутился и тоже устроился, чуть сторбившись, смотреть в лобовое стекло машины.

– Так вот. Чистые деньги прилипают к грязным лапам, дело обычное. Иногда прилипает мало, иногда больше, иногда страшно много. Ведь все зависит от того, чьи деньги. А я вроде как простолюдин, и все мои компании тоже зарегистрированы на самых простых ребят. Таких каждый считал законной добычей и не гнушался обидеть, забирая больше разумных пределов.

– Бедняги, – хмыкнул Артем, сложив руки на груди и одновременно о чем-то внимательно думая.

– Затем я ждал, пока деньги потратят. Недолго, к удивлению. Любую сумму можно потратить очень быстро, как оказалось. Дома, яхты, квартиры, машины, драгоценности, картины...

– Не играй на нервах.

– Да, собственно, и все, – пожал плечами. – Попросил одного из моих друзей назвать эти деньги своими, а меня – поверенным.

– Ты давал право аристократам на свои деньги? – изумился Артем. – Они же никогда от них не откажутся...

– Не аристократам, *друзьям*, – подчеркнул я. – Затем шел к этим министрам и от имени поверенного просил все вернуть.

– Это же подстава.

– Я просил их воровать мои деньги? – добавил я жесткости в голосе. – В общем, не вернуть деньги мне и не вернуть какому-нибудь древнему гербу – это ситуации очень разные.

– Шантаж?

– Да что вы весь день с этим шантажом! – возмутился я. – Просто верните то, что не ваше. Без процентов! Без огласки! Была яхта – отдай яхту, в чем вопрос? Была вилла – так отдай виллу. Я даже готов терять деньги на трансферте, ведь если вещи хотя бы месяц, ее уже не продашь как новую. И знаешь что?

– Догадываюсь, – скрежетнул зубами Артем.

– Чиновник, у которого нет денег, отчего-то предпочитает отдать немного родины, но не собственных палат.

– Короче, ты всех купил. У меня дома!!!

– Да тихо ты, – отмахнулся я от его ярости. – Я, между прочим, всегда выслушивал твои поздравления и так не реагировал.

– Я, между прочим, всегда желал тебе только хорошего, – едко отозвался он. – И всегда защищал от отца и родных!

– Вот. Ты не дослушал, – терпеливо повторил я.

– Слушаю, – взял он себя в руки после длинной паузы и яростного дыхания.

– Беда в том, что кроме меня все они уже были кому-то проданы. Вперед моих вагонов запускали опломбированные составы, фурам закрывали проезды по ряду трасс ночью и много других мелочей из других ведомств, которые списывали мой долг своими услугами и брали деньги сверх того. Я, признаюсь, открывал те, чужие вагоны.

Артем дернулся от паузы и внимательно на меня посмотрел.

– Оружие с ваших складов, взрывчатка, герметичные контейнеры... люди. Состав с людьми сошел с рельсов, упал в реку. Все живы, разумеется, захочешь поговорить с этими несчастными, которых везли куда-то на границу – всегда пожалуйста. В полицию, извини, сдать их не мог. Для проверки попросил в ночь крушения у армии и полиции людей, помочь по мелочи с разгрузкой, так не дали ни человека. Всех на поиски подняли, но потом признали утонувшими. Поднимать состав не стали, он все равно запечатан.

– Это... все еще плохой подарок, – сглотнул он и поиграл желваками.

– Артем, почему в твоём княжестве происходит нечто, о чем ты не имеешь ни малейшего понятия? – внимательно посмотрел я ему в глаза. – Почему все эти службы не спешат заложить друг друга, когда наступает кризис? Я же не случайно «разбил» ту бочку с фенолом. Беда не в том, что они взяли у меня деньги и закрыли глаза на трагедию регионального масштаба. А в том, что все они, все до единого отработали тихо. Хотя, казалось бы, какой легкий способ обнулить обязательства передо мной и даже получить медали, если поднять шум. Но ты ведь так и не узнал о существовании этой накладной, – указал я на листок.

– Я не занимаюсь разработкой преступлений такого уровня, – дернул подбородком Артем. – Мне могли не докладывать.

– А кто должен был доложить? – мягко уточнил я.

– Дядя Элим.

– Элим Шуйский. Глава вашей разведки?

– Да. Там большая электронная машина у нас. Все потоки со всех камер, компьютеров, вся связь, интернет, письма... Всё в кучу – и к нему. Если мы нужны – он призовет. А так – сам справляется. Думаю, он этих... к ногтю. А тебе тогда в Москву точно ехать надо, – упрямо наклонил он голову. – Я, конечно, прикрою, но Элим очень жесткий, даже среди всех нас.

– И прав на престол у него, наверное, никаких?

– Он никогда не претендовал. Они с отцом, как правая и левая рука. Незачем ему.

– Что же тогда он эти вагоны своим именем через границы тащит? – мягко уточнил я.

Артем резко дернулся и неловким движением снес подголовник переднего сиденья.

– Тебе потребуются очень веские доказательства! – почти прорычал он.

Осталось только посмотреть с иронией и произнести самые главные слова:

– Когда-то я обещал подарить тебе княжество. Пока, – хлопнул я по «подарку» ладонью, – я дарю тебе твое собственное. Там все бумаги, изучай. Пока вас не разорвали на множество мелких медвежат.

Парень хотел возмутиться, но, поймав мой взгляд, как-то сник и, хоть и тронул укладку с документами, но будто даже развернуть упаковку и глянуть, что там – сил уже не имел.

– Максим, это... – потерянно произнес тот.

– Правда, угу. На бумаге, потому что сам понимаешь, – пожал я плечами, – эта ваша большая и очень секретная электронная машина...

– Зачем это ему?!

– Запрещенный товар? Или очень быстро много денег за него? Или тишина с отсутствием проверок?

– То есть действительно...

Не знаю, что он хотел сказать.

– Ну и если подарок не пойдет, вот резервный вариант, – выудил я из сумки трехлитровую банку меда.

Артем только страдальчески поморщился.

– Ты смотри, с пчелой внутри, – пощелкал я по стеклу ногтем. – Производитель лицом и жалом! Знак качества, как мне сказали!

– Максим, хватит... – сжал он виски руками и с силой помассировал.

– Да что ты голову ломаешь? Вон с отцом советуйся. И банку открой, сладкое – оно для нервов хорошо.

– С отцом, верно, – услышал он только начало фразы.

А затем выпрямился, как пружина, которую долго сжимали, и произнес уверенным, спокойным голосом:

– Надо деда звать.

После чего вышел в свою дверь, ближнюю. Ту, которую он сам же и заклинил парой часов раньше до уровня неоткрывания. Короче, с дверью вместе вышел.

– А и забирай, если она тебе так понравилась, – лихо махнул я рукой.

Суровость и грозность на его лице сменилась неким смущением и непониманием, куда деть дверь. Даже к проему примерил, будто приклеится она обратно.

– Мед заберешь – дверь прощу.

– Ладно, давай, – вздохнул он покаянно и с показной неохотой подхватил в одну руку первый подарок, а в другую – мед. – Да не ем я его, сколько говорить можно! – возмутился он напоследок.

– Ты, главное, бумаги не заляпай, – обеспокоенно посоветовал я. – Вон бумагой оберточной вытирайся, там как раз внутренняя часть шершавая.

Он, подхватив мою эмоцию, оценивающе оглядел упаковку, но через секунду спохватился, нацепил прежнюю невозмутимость и пошел к своему автобусу.

Ну-ну. А то я не знаю этого сладкоежку. Да что он, ложку не найдет? Хотя, говорит, лапой вкуснее... Это если она пролезет еще.

Посмотрел на джипы в разных концах улицы и невозмутимо отправился к себе домой.

В тех машинах гвардия, а не стандартное охранение. Гвардейцы не предадут никогда.

У меня таких людей мало. Но я счастлив, что такие есть.

Я остановился и посмотрел на приветливую улыбку Елены Белевской, махнувшей из-за окна.

И я счастлив, что иных все меньше.

Глава 5

В просторном зале на два этажа, обрамленном красным деревом лестниц, было много света. Окна гостиной частного дома редко зашторивались, открывая вид на яблоневый сад, за листьями которого угадывалась высокая решетка ограды. Ставни наверху светили теплым оттенком штор. Темно-алым пламенем горел огонь в массивном камине напротив входа, отражаясь алыми искрами в сотнях граней массивной люстры, окрашивая оранжевым ткань дивана, мерцающая в глазах замершего на нем юноши. Даже бежевые платья двух близняшек тринадцати лет, что замерли с блокнотами у балюстрады второго этажа, тоже будто бы светились.

Но во всем этом сиянии была одна длинная тень, что металась от края до края зала, заставляя нервно подергиваться даже невозмутимое пламя. Она вышагивала перед диваном, пытаясь пробить каблуком мягкий ворс ковра и цокнуть особенно громко. Она задевала краем серого рукава юношу, опираясь на спинку дивана за его спиной. Но время шло к полудню, и скоро ей суждено навсегда пропасть.

Для юноши мир звучал классической музыкой из незаметных наушников-вкладышей. Приятные мелодии, хоть и прослушанные бесчисленное количество раз. Но если снять наушники – вряд ли там тоже будет что-то новое и уж наверняка – ничего хорошего. Он готов спорить. И этот спор, что характерно, даже приняли два раза.

– «Подлец» – было, – сосредоточенно чиркнула карандашиком по листку одна из девушек-сестер на втором этаже.

– «Бесчувственная сволочь», – хмыкнула вторая. – Тоже есть.

– Сама такая! – отреагировала ее сестра, поджав губы после особо едкой фразы.

Но все же, пробежавшись по списку взглядом, убедилась, что брат такое уже слышал.

Сцена расставания на первом этаже гремела повышенными тонами, колкими и обидными выражениями с акцентом на каждом слове, но исполнялась всего на один голос.

И, по всей видимости, именно равнодушие другой стороны бесило гостью еще сильнее. Можно понять – столько подготовки, отчетливо видимой по укладке волос и профессиональному макияжу; по дорогому платью, хоть и строгих тонов, но столь соблазнительно очерчивающему формы девушки; со вкусом подобранным украшениям; изысканной парфюмерии, от которой кружит голову; высокой платформе туфель, благодаря коей осанка обрела особенно женственный вид.

Словом, все для того, чтобы расставание непременно обернулось бы штормом эмоций, стоило юноше оценить весь масштаб грядущей потери. Но он молчал, глядя на огонь и удерживая левую руку в мягкой шерсти кота, расположившегося клубком в глубине дивана, рядом с бедром хозяина.

В общем-то, шторм был запланирован еще на вчерашний вечер и шел по плану, от тихого недовольства прогулкой к эмоциональным обвинениям с предсказуемой развязкой.

Однако фраза «Ну наконец-то! Всего наилучшего!» под конец прогулки никак не планировалась. Как и хлопок дверью в сантиметре от носа. А ведь она его так любила! Ну, до того, как решила прекратить отношения. Возмущение конечно же было тут же экспрессивно высказано по телефону после звукового сигнала автоответчика, но ощущения все равно были не те.

– «Сволочь!» Второй раз за минуту, – цокнула одна из девушек на лестнице, с волнением отметив, что гостя уже выдыхается.

Потому расставание было решено провести повторно, на этот раз по всем правилам. Но по ответной реакции выходило, что бросили ее, и это крайне болезненно било по самолюбию прекрасной графини. Настолько, что словарного запаса крайне не хватало. По крайней мере, не более сказанного автоответчику и тщательно законспектированному адресатом в двух копиях.

– Какая банальность, – вздохнули на лестнице, для порядка подчеркнув третий раз слово на букву «К».

– Может, подсказать ей?

– И потом язык с мылом мыть? Ну уж нет, – буркнула сестра.

И тут же насторожилась, заслышав начало особо забористого эпитета, высказываемого напряженно застывшей гостьей в спину юноши.

– О-о... – протянула она, даже не сразу обратившись к заполненному листочку.

– А это надо делить по словам или как одна фраза? – с азартом вычитывала список подруга.

– Точно не было такого! Точно говорю! – блестели триумфом глаза рядом.

С первого этажа донесся резкий звук с силой захлопнутой двери – даже стекла задрожали, хрусталики люстры запели тихим звуком, а в углу гостиной, у камина, заполошно подпрыгнула с места дремавшая до того собака.

Скандал, что характерно, собаку разбудить не смог. То ли мелковат был конфликт для двухметровой, если встанет на лапы, немецкой овчарки (ну или смеси овчарки с чудовищем из болот Дартмура). То ли привыкла за эти дни к набегам суетливой особы, пахнувшей волнением, тоской и решимостью. А сон – он важнее людских чудачеств!

– Нет, точно не было! – победно завершила девчонка, подпрыгнув у лестницы. – Катька, приз – наш!

– Еще бы было иначе... – хмуро закрыла блокнот ее сестра после подтверждения победы, но отчего-то не желая поддерживать веселье.

– Тонь, Максиму расскажем? – зеркально отразила ее настроение Екатерина, вспомнив про наушники в ушах брата.

Речь шла о концовке экспрессивной фразы, произнесенной перед тем, как хлопнуть дверь. Как оно обычно и бывает, напоследок гостя не удержалась от шаблона. Так уж воспитал телевизор – уж если все потеряно, то надо обязательно рассказать о коварном плане, о собственном уме и чужой глупости. Или хотя бы о последних двух.

– Можно. Но, думаю, он знает, – подумав, произнесла Антонина, убирая выданный братом листок и заодно придумывая, где она его «потеряет».

В ее планах на жизнь – роковой роман, Париж, расставание и случайная встреча под свист вражеских пуль. Ну, это не сейчас, после школы и университета. Но обширный перечень емких выражений еще определенно понадобится!

– Почему так решила? – посмотрела на сестру Екатерина, вопросительно подняв бровь.

Старшая выразительно посмотрела вниз, на диван. Где фигура их брата за все это время будто не сдвинулась ни на миллиметр.

Сестра была не особо-то и старшая, всего на пару минут. Но в этой паре близнецов именно она владела титулом «Умная». Кате достался титул «Самая красивая», щедро отданный ей сестрой-двойняшкой.

– Лучше бы покричал на нее. Или домой не пускал, – с сочувствием прокомментировала поведение брата Катя.

– Зачем? – смотрела вниз Тоня. – Ее ведь нет.

– То есть?..

– Наверное, уже шестнадцать часов как не существует, – прикинула Тоня время от встречи в аэропорту до этого момента.

Отношения распадаются по разным причинам, и бывает сложно определить момент, с которого расставание стало неизбежным. Но не в данном случае. Тут дата определенно была, только – в будущем. Дата помолвки графини Елены Белевской с весьма перспективным юношей из древнего и очень влиятельного рода. На его фоне парень из мастерской семьи, за заслуги пушенной присматривать за особняком, машинами и гигантским аквариумом с дель-

финами здешнего князя, совершенно не смотрелся. Во всяком случае, юноша был ей представлен именно так. А фраза, сказанная ею напоследок, как раз соизмеряла два социальных статуса и их перспективы на будущее – это если убрать слова, никак не красящие леди.

– Как он там? – вынырнул из своего кабинета папа Миша, осторожно подкрался к ограждению, чтобы выглянуть за него на мгновение, и с тревогой обернулся на дочерей.

– Думаю, Максим еще не осознает всю величину потери, – серьезно произнесла Тоня.

– Такая трагедия, ведь он ее так любил, с первого взгляда, я же видела, – смахнула несуществующую слезу Катя. – Как он теперь без нее?

– Досадно, – вздохнул отец. – Может, Максиму стоило рассказать о себе чуть больше?

– Нет, – возмущенно отмахнулись обе. – Не про нее речь.

Уж точно – не про графиню, по невероятной глупости своей променявшей их брата на какого-то аристократишку.

– А про что? – запнулся папа и недоуменно посмотрел на дочерей.

– Максим!!! – хором выдали обе.

Внизу в гостиной сонно приподнялась собака и засеменила в сторону выхода. Потому что все грандиозные (и тревожащие сон) события в этом доме начинались именно с этого имени.

– Мы выиграли!!! Где ключи от «феррари»?!

Черно-красный пластик брелока взлетел в воздух и медленно, словно нарочно дразня, описал дугу в вершине полета, целя в распахнутые ладони девчонок на втором уровне гостиной.

Доставка счастья: от легкой тревоги, что оно может не состояться; недоверия, что за обещанными «ключами» скрываются железки в пластиковом боксе; через панику, что электронный ключ рухнет и обязательно сломается, но в отчаянной надежде, что все будет хорошо. И вот – ключ в руках, а тело наверняка наполняет ликование и восторг, предвкушение басовитого рокота мотора и скорости.

Доставленный утром на эвакуаторе «феррари», с праздничной лентой поперек капота, открыткой и подписью «Почти столь же быстрая, как вишневая «девятка», обрела новых хозяек. Мне такой подарок без надобности, так что передарить сестрам, у которых точно такое же авто красуется на больших настенных постерах, в радость. Столь же искреннюю, что у них самих – знающих, насколько это ценно, ответственно и не должно врезаться в яблоню. Уверен, предложи им кто иной сейчас что-то другое на обмен, пусть даже дороже и роскошней, они откажутся. Потому как это – мой подарок, а это уже не измерить порядком нулей, и без разницы, что считают другие.

Но есть люди, эмоции которых вне их. Графине Елене Белевской, выросшей в сытости и благополучии родового поместья, очень хотелось, чтобы ее считали счастливой со стороны. Не важно, насколько вкусно мороженое в твоём стаканчике, но главное – яркость этикетки и восторг в глазах окружающих. Сложно объяснить человеку, что он счастлив с рождения, а тот блеск во взгляде тех, кто на нее смотрит, – часто не восторг, а зависть и пожелание беды. Для этого надо быть рядом не только в высокогорных восхождениях и спусках по реке, во тьме шахт и под толщей воды затопленных пещер, но и на светских раутах и приемах, бесконечно скучных и далеких, чтобы тратить на них время. Но, как оказалось, именно там Елене сообщали, что «она была счастлива», голосами подруг. И все у нас ладилось, до поры.

Со временем у Елены вырастут требования к тем, кто должен выступить индикатором счастья. В эксперты будут призваны высокопоставленные родственники и сиятельные знакомые, которые по тем или иным причинам сообщат ей грустный факт: «Вы несчастливы, милочка», «Вы, в своих странствиях, потеряли единственную ценность бытия – замужество за титулованным господином», «Ваши подруги, увы, счастливы не вашими свершениями, а частым отсутствием конкурентки», и многозначительное: «А ведь вам почти двадцать один

год». Радость сменится мигренью, и начнутся поиски «истинного счастья». Уже начались месяцем ранее и даже успели закончиться, как выяснилось из бумаг. Как полагают окружающие, а значит, и сама Елена – успешно.

В общем-то, все это – не главная ее проблема. Ума Лене вполне достаточно, чтобы при желании и дружеской помощи отделить свое мнение от чужого. Можно забрать ее от подруг и от родни, увезти достаточно далеко, где титулы ничего не стоят, а землям вокруг хозяин свирепый медведь.

Проблема графини Елены Белевской в том, что она не нравится моему деду.

Графиня Елена Белевская выходит замуж за Виктора Юсупова, младшего сына двоюродного дяди самого князя. Невероятная честь и явный мезальянс для Юсуповых, поговаривают. И, разумеется, настоящее счастье (или тщательно скрывааемая ненависть) на лицах всех, кто наблюдает за Еленой в эти дни. А значит – и ее счастье.

Можно ли переубедить ее в этом? Не в том случае, когда в супружестве – интерес всего графского рода Белевских и уже не только ее воля, но долг перед семьей. Но даже если взывают эмоции, то всегда будет кому напомнить, что отказ от невероятной чести можно трактовать как оскорбление. А в таких трактовках и манипуляциях ими мой дед большой мастер.

Можно ли все исправить? Достаточно принять ненавистную моей семье фамилию и стать тем, для кого Виктор Юсупов – человек из очереди на прием. Этот способ легкий, есть иные, куда сложнее, но столь же эффективные. Вопрос в другом – действительно ли стоит об этом переживать и стоит ли за это бороться, если о проблеме я узнаю из третьих рук. Сомнения, вызванные переданными документами, подкреплялись фрагментами из памяти.

Вот принято решение отправить моих дельфинов к Шуваловым на время. Следующим днем Елена прошла мимо грани пустующего бассейна, щебеча столичные сплетни. Момент, когда она чуть не села на кота, пожаловавшись на шерсть на новом платье. Хотя в самом деле пустяки. Но ведь можно сделать проверочное испытание? Дать ей высказаться, например, показным равнодушием царапнув по нервам.

Высказалась, и вместе с поставленной в пику моим подозрениям машине исчезла и девушка. Но в итоге определенность стоила того, а несостоявшиеся метания и резкие шаги, которые присущи сомнениям, вышли бы всяко дороже любого автомобиля. То, что мне было важным, не стало таковым для нее. А значит, стоит ли ломать все остальное, что делает меня собой? Может, лучше убрать из памяти то, что не станет ее частью?

В мире стало на одного человека меньше, добавляя пустоты скамейкам и тропинкам, местам и путешествиям в моей памяти. Слишком много пустоты для того, чтобы оставаться в этом городе.

И без того – ощущение последнего пассажира в автобусе, подходящего к конечной станции без уверенности, что именно этот маршрут – твой. Пусть даже пять лет пути за спиной.

Первым этот рейс покинул Пашка, примерив черного орла над своим гербом и навсегда исчезнув в столице. Говорят, обида его на меня настолько сильна, что его личные вещи забирала чужие люди. Сам он не пожелал навестить некогда родной город, ставший местом падения свободного рода Зубовых. Его отец перевозил наркотики, за что всю его семью должны были колесовать. На самого Пашку охотились бандиты, желая выбить с его отца деньги за потерянный груз. Его отец жив, Пашу спас я с друзьями. Но вышло так, что началом всех его бед и гибельной огласки стала случайность, вышедшая из-под моей руки. На человека, который помешал славному роду возить гибельную химию по реке, разозлился друг. А у меня вместо него образовалась первая пустота в этом городе.

Чуть позже исчез дед, предпочтя стать князем Юсуповым ради новой войны, денег и власти. В старости это отчего-то особенно важно – отправить за грань побольше молодых, будто выгадывая себе место в конце общей очереди.

Война гремела всего пару-тройку месяцев, долетая до моего дома отголосками слухов и мельком отмеченными газетными заголовками у людей на улицах. У меня к тому времени был уже свой телеканал и свои газеты, которые возглавил Долгорукий Игорь, мой друг. Если остальные каналы смаковали чужое горе, изображая участие из теплых кабинетов и в дорожных костюмах, то мы предпочли дать детям – детские мультфильмы после школы, а взрослым после работы – кино для расслабления, а не топливо для переживаний. В наших новостях были достижения и радость. Даже неизбежно касаясь войны – речь шла о спасенных и их светлом будущем, которое телеканал обещал устроить. Потому что эта война, как и все предыдущие, не зависела от обычных людей ни насколько, и мы решили не множить печали. Расчет обернулся расширением аудитории и ростом прибыли, на которую можно было делать новые добрые дела.

Через месяц уехала бабушка. Вера Андреевна Прибрежная, внезапно и по неведомому волшебству оказавшаяся княгиней Борецкой Лидией Андреевной, держалась этот месяц из упрямства и нежелания подчиниться воле деда. Тот требовал от нее покинуть наш дом сразу же, из вредности ли или ввиду приготовлений по возвращении княжеского титула последней из рода Борецких. Точно не могу сказать – этот момент слегка потерялся на фоне общей грусти и предчувствия расставания навсегда, пусть даже и были сказаны разные слова о скором возвращении и даны самые искренние в том заверения. Но каждое из них непременно завершалось «если смогу» и «постараюсь». Верный признак того, что обещанию не суждено сбыться.

Если бы бабушка оставалась обычной учительницей на пенсии, по неведомой причине очнувшейся без памяти на берегу речки возле деревеньки Заречное восемнадцать лет назад, то все еще была бы с нами, наверняка отогнав холод пустоты и одиночества волнительными ароматами выпечки, а грустные мысли – умным советом. Но с нее новой-старой этого требовать было неправильно. Ведь «последняя из рода» – это в первую очередь долг и путь длиной в целую жизнь, чтобы найти других членов своей семьи. Говорят, погибли все, но ведь она жива? И может ли она задерживаться у нас, если где-то ждет ее помощи родной человек?

Мы отпускали ее с грустью, а Федор и сестры – со слезами. Даже Брунгильда жалобно ластилась к руке, то и дело прятала по дому ее ботинок. Но отпустить было нужно – и это понимали все.

Бабушка же ощущала вместе с грустью вину, и отчего-то передо мной одним. Говорят, аристократы не могут просто так дать обещание, а затем его нарушить. А ведь она обещала стать мне бабушкой – пусть и под другим именем и с иной памятью. Чтобы сгладить этот момент, мне было предложено взять виру и вернуть обещание назад. Я бы и так вернул, на самом деле. Но не воспользоваться моментом и не полюбопытствовать у хозяйки Борецких земель о том, что скрывается за оградой с черепами, на которую мы наткнулись в ходе турнира... Я спросил. Меня попросили заменить виру, пусть та и будет в два раза больше. Пожав плечами, ответил честно – ничего страшного, узнаю сам, и уже приготовился к новому вопросу... Только тогда мне ответили. Окинули внимательным взглядом, увели в мою комнату и, плотно заперев дверь, тихим голосом начали долгий и подробный рассказ, заставляя запоминать, выписывать на листок и сжигать цифры, бессмысленные строки, координаты и десятки имен. Тайна длиной в шесть часов, которой обязали не пользоваться, пока не придет крайняя необходимость. Но одновременно – тайна, в которой не было солидной части, без которой быть ей просто легендой, будоражащей фантазию и тщательно оберегаемой всего двумя людьми во всем мире, считая теперь меня. Но бабушка, как я видел, полагала ее бесполезной, сказочно красивой, оттого допустимой, чтобы ею поделиться. Все-таки это гордость целого клана и рода. То, что должны были знать ее внуки, переполняясь радостью от сопричастности к общему и великому. А я вроде как на пару дней – и есть ее внук...

После девятого класса исчезла Светлана, столь же стремительно, как появилась в восьмом. Успехи в танцах потребовали профильного образования, а следовавшие за ним гастроли более никогда не бывали в нашем княжестве, крайне редко проходили даже в столице,

радуя публику других стран. Наверное, там у нее появился иной телефон, с другим номером. Старый более не отвечал. В память осталась тетрадка «правил», исполнять которые я обязался. Хотя обещания прямого не было, просто некая смесь осознания правильности рекомендаций, вреда собственных действий им вопреки, уважения к той, что готова была пожертвовать жизнью ради меня... И тихая надежда, что, исполняя эти правила, Светлана вновь появится в моей жизни. Мог бы разыскать ее сам, но правило «не искать» было тоже...

Два года назад покинул дом Федор, мой брат. Все началось с неразделенной любви – он влюбился в нее с первого взгляда, а она оказалась актрисой модного телесериала. Собственно, на экране он ее и увидел, после чего написал пламенное признательное письмо, для верности отправив заказным с уведомлением.

Любовь всей жизни не ответила, возмущив уже меня. Пришлось ехать лично, подключив Игоря и телеканал. Девушка искренне поверила в то, какой Федор замечательный и чудесный, и даже бралась написать ответное послание, объясниться по телефону или по видеосвязи. Выбрали третий вариант, потому что иначе Федор бы не поверил, что актрисе на десять лет больше, чем ее персонажу в телесериале, а красивый псевдоним скрывает фамилию мужа, принятую в браке. Расстаться с супругом тоже не особо вариант – у них уже двое детей, и те не поймут.

В общем, Федор ударился в меланхолию. Оттого с нездоровым энтузиазмом воспринял предложение по обмену учащимися с неким румынским княжеством, куда и отбыл после пятого класса.

Как отец отпустил его одного – до сих пор не понимаю. Вернее, мне сообщили про гарантии безопасности, данные ну очень влиятельным человеком, но я после турнира словам и обещаниям не сильно-то верю.

Я честно пытался отговорить брата и даже подсунил попугайчика в качестве взятки. Теперь пернатый тоже проживает в Румынии и умеет говорить фразу «Попугая не красть!» на четырех языках. Надеюсь, меры безопасности этим не ограничиваются.

Но вроде Федор там действительно счастлив, а это главное. Только в доме без него пусто. И вновь – я не могу требовать от него отдать свою радость ради моего счастья. Ведь я за ним тоже не поехал. До одиннадцатого класса жизнь моя была накрепко привязана к помещениям безликого заводского корпуса, примыкающим к самой обычной школе. Об этом даже родным знать не следует, но папа все равно догадался сам.

Ничего не бывает бесплатно и просто так. За каждым шагом и поступком следует плата, взятая временем или счастьем. Откупиться деньгами – за радость. Но их редко берут, когда дело доходит до действительно важного.

– Как ты? – присел отец рядом, с правильного относительно кота края.

– Отлично, – снял я наушник и переложил во внутренний карман костюма, взамен взяв оттуда фотокарточку. – Вот, кстати, узнаешь?

– Кажется, твой преподаватель по английскому? – сбился он поначалу, но потом взгляделся и осторожно добавил: – Виктория Павловна, если не путаю?

– Красивая? – внимательно следил я за его взглядом.

Имя помнит – уже хороший признак.

– Весьма обаятельная дама – тактично ответил папа, чуть смущенно отведя взгляд.

– Скоро познакомлю, – увидев, что хотел, довольно подытожил я, отправляя фото обратно, во внутренний карман рядом с сердцем.

– А? – поднял он глаза недоуменно.

– Не в этом месяце, правда... – с некоторой досадой прикинул я время. – С планированием пока беда, тут еще восемнадцать часов до вступительных экзаменов... Но до конца года...

– Максим! Какое еще знакомство! Стоп. Какие экзамены? – не понимая, наклонился он чуть вперед.

– Москва, университет Ломоносова. В девять часов начало.

– Неожиданно, – закусил он нижнюю губу и обернулся было в сторону лестницы, но сестер там и след простыл. – А документы?

– На месте. – Я указал пальцем под кота, на кожаную папку черного цвета.

Кот уловил внимание и неспешно перетек чуть дальше по дивану, позволив мне положить прямоугольник укладки, обтянутый кожей, на колени.

– Что скажет князь? – осторожно уточнил отец.

Там, где особые отношения, – непременно имеется ряд требований.

– Им сейчас будет не до меня.

– В Москве вы можете встретиться с Леной вновь. Зачем беречь сердце? Может, останешься? У нас ведь тоже хороший университет.

– Не встречу, – скупно гарантировал я.

Линии, по которым идет студент среднего достатка, и высший свет не пересекаются. Я не стану их пересекать. А если встречу, то не вижу большой беды. Это, наверное, отец за меня переживает больше меня самого.

Во дворе резко взвыло спортивным двигателем и тут же завизжало тормозами, сменившись мгновением тишины и ликующим воплем.

– Девочки! – изменился лицом отец и тут же выбежал из дома.

Я забрал документы и вышел следом, уже зная по тихим пискам оправдания и громовым раскатам голоса отца, что сестры наверняка целы и здоровы, но ключи у них забрали.

– Может, заберешь с собой? – качнул Михаил брелоком в сторону машины.

– Статус простого студента несовместим с этой маркой гоночного авто, – тактично отказался я.

Вернее, будет действовать как яркая тряпка на всех, кто видит чужое и слабозащищенное – своим.

Вот «Хонда Одиссей», подогнанная к дому с утра, вполне соответствует. Это Артем извинился так за слегка поломанный «опель», а я отказываться не стал. Да и в самом деле – посмотрел я на солнце и вновь на машину – мне, пожалуй, пора.

– Я поехал, удачи, – улыбнулся семье, хлопнув папкой с документами по бедру.

– Надолго? – поинтересовалась Катя, подозрительно глядя снизу вверх.

– Лет на пять, – честно ответил ей, тут же пообещав: – Но на длинные выходные обещаю приезжать!

Тут бы случиться граду обвинений и шантажу на слезах, но рядом с ними все еще выразительно отливало красным глянецом «феррари», на фоне которого любые заявления типа «ты нас не любишь!» с их стороны смотрелись бы крайне неубедительно.

– Ты это специально подстроил, – буркнула старшая сестра, смахнув слезу.

Уклонился от ответа, прижал их обеих к груди и строго рекомендовал вести себя прилично.

Там и Брунгильда подошла, уловив тревожный настрой. И кот Машк внезапно оказался около ног. Животных тут же обняли сестры в целях успокоения.

– Да уже в субботу буду, – буркнул я на немую сценку и повернулся спиной.

А то ведь действительно не уеду.

Я дошел до машины в одиночестве, оставив замершего на полдороге к калитке отца. Завел мотор, махнул напоследок ему и сестрам.

Впереди были пять лет, наполненные предвкушением и неопределенностью, от попытки взглянуть в которую любопытство захлестывало с головой.

Но на переднем плане всего этого все еще оставалась малая часть загадки, оставленная после себя Борецкими, которую тоже следовало решить. Малая – потому что все эти годы я не сидел на месте.

По всем расчетам, столица для того подходила наилучшим образом.

Глава 6

Подарки Артема – основательные, как он сам. Кто-то вряд ли зашел бы дальше ключа в замке зажигания, полного бака и документов на переднем сиденье. Артем же перенес все содержимое прежней машины в новую. За козырьком над рулем обнаружили топливную карточку и мои пропуска, в бардачке – разнообразная полезная мелочь, о которой редко задумываешься, пока в ней не настанет нужда. Под сиденьем – тайник, абсолютно такой же модели, как был раньше. Проверил старый пароль – подходит, а содержимое идентично. Значит, вырезали за ночь целиком из «опеля» и перенесли в «хонду». Приятное ощущение старого уюта в новом, свежем.

Даже зеркала настроены под меня. Кое-что новое, разумеется, – в аптечке новые медикаменты, но того же самого ассортимента. Не хватает вещей в дорогу, но их даже в старой машине пришлось бы покупать.

Вырулил на дорогу, стараясь не оглядываться назад, однако краем глаза все равно поймал силуэты родных. Грустно, но тем приятней будет встреча.

На следующем повороте столь же привычно возобновилось преследование угловатыми внедорожниками. Теперь все именно так, как было в последние дни.

Хотя метров через шестьсот перестроений по трехполосному шоссе в процессе осваивания характера, возможностей нового авто и его динамики оказалось, что все не совсем обычно. Но это, в общем-то, даже неплохо.

Придорожный универмаг позволил обновить запасы привычной, местной продукции. Дальше, за границей княжества, будут уже другие вкусы. Не моего производства, а значит, наверняка хуже.

Со звучным щелчком открыл алюминиевую банку со сгущенкой, пару раз крутнул в руках, позволяя аромату растечься по салону, и поставил на заднее сиденье, внимательно и с интересом наблюдая за пространством позади через центральное зеркало.

Через пару минут в багажнике заворочались, а еще мгновением позже над вторым рядом сидений поднялась хмурая и заспанная физиономия Артема, прикрытая темным пледом.

– Издеваешься, да?

– Охота на медведя – крайне волнительное мероприятие, – доложил я ему доверительно.

– Никто не должен меня видеть! – шикнул он, на пару сантиметров пригибаясь, но при этом не отрывая взгляда от содержимого банки.

– Так ложись обратно, – подсказал я ему, заводя мотор.

– Там это... сгущенка на сиденья прольется. Кожа испачкается, – делано невозмутимо произнес он.

– Можешь ее спасти.

В зеркале невообразимо быстро метнулось серое пятно. И, понятное дело, через мгновение ни пятна, ни Артема, ни банки.

– От чего прячешься? – Я вырулил на трассу.

Легкая тревога царапнула душу – как бы не опоздал я с подарком.

– Мы решили, что я уеду из княжества на время, – с легкой укоризной ответили мне.

Мол, не могут люди их рода и крови прятаться, не по чину. Вот путешествия и отъезд по делам...

Закинул назад еще одну банку со сгущенкой в качестве извинений. В зеркале вновь мелькнуло нечто серое, а голос Артема стал гораздо добрее:

– Тем более дедушку не сегодня завтра в город приведут.

– Значит, проблем у вас через пару дней не будет? – Я отметил краем глаза перечеркнутую табличку «Шуйск» и прибавил скорости.

– Проблемы только начинаются, – вздохнув, заерзали позади.

А затем, будто решившись, мощная рука товарища согнула задний ряд кресел вперед, а сам он через десяток тихих чертыханий и движений корпусом перебрался из багажника в салон.

– Дед меня не помнит, – выдохнув и огладив челку, произнес Артем, глядя на меня через центральное зеркало. – Есть опасность, что конкурента может во мне увидеть и убить. Дядя сбежал. Отец в ярости...

– А я как всегда виноват, – продолжил за него.

– В общем, вовремя ты уехать собрался, – все же кивнул он, признавая, что такое мнение существует. – Не беспокойся. Ты вроде как меня из города увозишь.

– Не безопасней самолетом в Австралию?

– В столице нормально. Я так решил, – жестко постановил Артем, но потом добавил чуть мягче: – Хотя отец тоже настаивал на Австралии, но я достаточно взрослый, чтобы решать самому.

– У тебя стуженка на левой щеке осталась.

– Да? – суетливо стер он запястьем.

– Теперь нормально.

– Спасибо. В общем, заодно университет посмотрю, – улыбнулся Тема, глядя в окошко. – Все равно теперь дед и отец на правлении. Может, даже оставят на пару лет, отдохну, – с легкой грустью продолжил он. – Не было счастья, да несчастье помогло.

– Бывает... – выдал я задумчиво, окинул взглядом циферблат часов и присмотрелся к километровым отметкам на трассе.

Скорость – чуть ниже.

– Мог бы и раньше сказать, – попенял мне Артем.

– Сложно отличить, где заговор, а где бизнес, – нейтрально отозвался я.

– Да какой еще бизнес, если люди в вагонах?!

Осталось только плечами пожать, не желая развивать тему.

– На какой факультет решил идти? – поинтересовался я.

– Да погоди ты с факультетом!

– Всякое едет по железнодорожным трассам, – терпеливо произнес я. – Некоторое сходит с рельсов. А потом диву даешься, какие люди требуют все найти.

Артем примолк, переваривая фразу.

– Отцово что-нибудь было?

– Вон все княжество твоего отца, – вновь обратил я внимание на время и столбики. – Поди угадай, от кого пришел чиновник и за кого просит.

– Максим!

– Лично твой отец никогда не контролировал грузы. Не слышал я о таком. Нет его интереса в перевозках, – наблюдая в зеркало, как с каждой фразой отпускает напряжение товарища, добавил я.

– Ясно...

– Так что с факультетом?

– Да управления кем-нибудь, чем-нибудь... – равнодушно отмахнулся друг.

– Там конкурс на место знаешь какой?

– Я же княжеский сын, – пожал он плечом и махнул рукой в сторону багажника. – Грамота, патент, документы – все там. Нет, я, конечно, и так сдам! И ты сдашь. Так чего время терять?

– Я – не княжеский сын.

– Так ты свитой пойдешь за мной вместе, – охотно добавил Тема. – Мне по статусу можно двоих без конкурса провести. Вместе будем, а?

– На робототехнику хочу, – емко отказался я. – Федор схемы оставил перед отъездом. Надо пробовать.

– Не надо пробовать! – категорично заявил Артем, чуть придвигаясь на кресле вперед и хватая рукой оголовье пассажирского сиденья спереди.

– Схемы – доработанные, – со всей ответственностью отметил я.

– А в тот раз кто говорил, что все проверил?!

– Федор.

– Мы три дня тот склад тушили!!! – застонало пластиком оголовье под ладонью Артема.

– Федору было очень стыдно, – поделился я с ним. – Зато он спор выиграл с тем майором.

– Каким еще майором? – быстро успокоившись, как бывает после давным-давно пережитой эмоции, устало выдохнул Тема, откидываясь на сиденье.

– Который полковником был.

– А, этот... Помню. Стыд и срам, без фуражки и удостоверения... На что спор? – слабо заинтересовался Артем.

– Что мы дострелим до склада боеприпасов.

– А мне сказали, случайное попадание, – хмыкнул княжич. – Приз какой?

– Фуражка и удостоверение.

– То есть вы ему еще и жизнь сломали... – тяжело вздохнул Артем.

– Федору было очень стыдно, – помедлив, подчеркнул я. – А у майора нормально все.

Он ведь в тот вечер вообще лейтенантом стал.

Потом я ему немного помог. Потом его дядя Артема завербовал как обиженного князем и на новый склад поставил. А дальше из склада уходило чуть больше, чем просил его новый покровитель... Но и приходило на склад – тоже больше, хотя смысл в этом круговороте найдется далеко не сразу...

– Ладно, строй что хочешь, – отмахнулся товарищ. – Москва – чужой город, не жалко.

– Да доработанная же схема! – возмутился я.

– Верю. Только год хотя бы подожди, достопримечательности дай посмотреть...

Но это он шутит, настроение хорошее возвращается. Наверное.

– Дядя твой точно не достанет в Москве?

– За меня не переживай. Вон о себе бы подумал лучше, – обернулся Артем назад, выглядывая сквозь тонированный задний полукруг сопровождение, где как приклеенные маячили внедорожники. – Я уточнял, это не самые последние люди. Из столицы причем. А мы как раз туда едем, – со значением завершил он.

– Что еще уточнил? – отслеживал я его жесты через зеркало.

Дорога спокойная, маневров нет. Знай держись за фургон на почтительном расстоянии и изредка поглядывай то на часы, то на километровые столбики.

– Не сильно много. Командировка с открытой датой; как основание визита – защита свидетеля. То есть тебя.

Последовала выразительная пауза, использовать которую я не захотел – промолчал.

– Только есть мнение, что их желания противоположны.

– Правильное мнение, – согласился я с товарищем.

– Им ты тоже денег дал и назад попросил?

– Нет, – пожал я плечом. – Деньги их начальству предназначались. Вернее, дорогой подарок.

– А они, так понимаю, себе забрали?

– Пытались подарить от своего имени. Не самое умное решение, так как их шефы знали, что и откуда должно прийти. Удивились неслабо, – хмыкнул я. – В итоге эти получили нагоняй и в нагрузку – поручение оказать мне услугу.

– Какую? – заинтересовался Артем.

– Ту самую, за которую был вручен подарок, – уклонился я от ответа, а друг понятливо не стал повторять вопрос.

На самом деле поручение так или иначе передоверили бы им, которые во внедорожниках за спиной. Не дело сиятельным, стоящим во главе, заниматься лично, каким бы ни был дар.

Но сама постановка задачи, основанная на собственной ошибке, сформулированная криком и матом высокого начальства, выводила исполнителей из себя. Била по нервам и болезненно царапала фактом, что их поймали за руку. До сих пор успокоиться не могут.

– Я так понимаю, они не хотят тебе помочь? – вновь оглянулся Артем назад.

– Им срок поставлен, личные желания никого не интересуют.

– Тем не менее...

– Тем не менее, – повторил я за другом, – посадить им проще и привычней, чем сделать дело.

– Сильно ты их обидел.

Я только головой покачал, не желая спорить. Всех отчего-то обижает, когда не получается что-то отнять у меня.

– А как их шефы отнесутся, если тебя посадят?

– Да никак, наверное, – пожал плечами.

– Но подарок...

– Если за дело – им все равно будет, думаю. Никакой подарок не спасет. Разве что проверят все обстоятельства дела, чтобы успокоить честь и забыть обо мне навсегда. Но если во время проверки не найдут оснований для заключения под стражу, то выходит, что уже их подчиненные нарушают приказ, уклоняясь от порученного. Вот это уже серьезный проступок.

– Странно у них там все...

– Кто бы говорил, – хмыкнул я в ответ, вновь посмотрев на часы. – В общем, потому и катаются за мной.

– Лучше бы работали...

– Они уже не успевают до срока, – отвернул я в сторону, на асфальтовое ответвление под железным навесом с надписью «Грузовые ворота». – Одна надежда – убедить меня дать еще неделю.

– Могут ведь и подкинуть чего, – переживая за меня, добавил Артем, не обратив за разговором внимания на смену маршрута.

– Так подкидывали, – пожал я плечами. – Представляешь, тормозят меня на посту, не дают выйти из-за руля, а через пять минут – «откройте багажник». В багажнике внезапно – упаковки белого порошка россыпью, килограмм под десять. В общем, твой Копперфильд отдыхает. И позади, как назло – целый автобус с туристами в качестве понятых.

– Шутишь, что ли? – усомнился друг.

– Честно говорю, так и было, – медленно рулил я через лес по избитой колдобинами дороге. – Даже есть многочисленные свидетельские показания, как багажник при них открывали и обнаружили криминальный груз.

– Тогда почему ты здесь?

– Оказалось, что в автобусе были пациенты сумасшедшего дома. Все до единого. В итоге двадцать подписей под протоколом осмотра признаны недействительными. Кроме этого, во внутренней части багажника обнаружена сорванная пломба с гербовой печатью, подписью и датой скрепления. Выходит, что груз подбросили. Постовых всех под суд, а они потянули за собой тех, кто был выше и отдавал приказы. В общем, замяли по итогу. Эти, которые позади нас, получили первое и последнее предупреждение.

– Как-то складно у тебя выходит, – провел задумчиво ладонью по волосам Артем, – за что ни берешься, все один к одному.

– Помнишь эти часы? – поднял я руку, демонстрируя циферблат.

Около пяти лет назад они пришли в подарок, неведомо от кого и откуда. Стерильная упаковка, стерильное содержимое и корпус без клейма производителя.

– Ну. Которые слегка сломанные?

Это он про то, что табло, которому положено показывать день недели, отчего-то в самом начале показывало цифру пять, медленно ползущую к четверке... Очень медленно – для этого понадобился год.

– Отлично работающие, – встряхнул я часы, отметив, что единицу и цифру ноль в том необычном табло отделяет всего пара месяцев. – Просветили начинку, там все именно так и задумывалось. Механизм все это время отсчитывал пять лет наоборот. Понимаешь, что это значит?

– Что-то должно случиться совсем скоро?.. – неуверенно предположил он.

– Это значит, что кто-то умеет планировать на пять лет вперед. – Я въехал за открытый шлагбаум, и, стоило ему опуститься вновь, через небольшой тамбур – в открытые железные ворота, тут же сомкнувшиеся за спиной. Притопил педаль газа, отметив, как гневно гудят джипы преследователей, требуя дорогу. – Значит, я обязан уметь делать это на десять лет.

На сотни метров вперед земля была расчерчена линиями железной дороги, объединенных съездами и стрелочными улицами. Справа, возле видимого горизонта, замерли до поры грузовые вагоны. Более счастливые их товарищи гремели сцепками, формируя новые составы. Сновали вокруг группы людей, перекликаясь на уровне крика. Грозно ревели локомотивы, вдали шумела сварка, высоко взлетали стуки металла о металл и соло одинокой «болгарки». Вся эта симфония звуков, до того сокрытая лесной преградой, одновременно ударила в уши, слегка шокируя моего пассажира. Следом, через приоткрытые окна, пришли запахи мазута и масла, наполняя волнением и предчувствием дороги под перестук колес.

– Мы где? – позабыв обо всем, придвинулся вперед Артем, во все глаза рассматривая открывшуюся картину.

– Железнодорожное депо, – пояснил я, набирая скорость и пыля по грунтовке рядом с рельсами.

Асфальтовая дорога тоже была, но она вела в другую сторону.

– А зачем мы здесь? – почувствовалось недоумение в его словах.

Вместо ответа я вывернул руль влево, подъезжая к распахнутому настежь вагону в уже сформированном составе со вторметом, единственно пустому из двух десятков. Стоило подъехать, как пара жилистых мужиков в спецовках приладила к краю вагона пандус из двух железок, по которому машина осторожно загрузилась внутрь.

– Едем в Москву, – нашел я время пояснить другу, отклоняя кресло назад и удобно в нем располагаясь.

– Максим, тут что-то тащат к нам, – затормозил он меня за руку.

Я лениво покосился в сторону – там погрузчик вез нечто железное, свитое из лома металла и спутанных обрезков арматуры, общей площадью с прямоугольник грани вагона. Позади угадывались еще два таких же массива, но их неспешно нес на своем крюке кран, слегка раскачивая при движении.

– Все идет по плану, – отрегулировал я его кресло, невольно заставляя отклониться в сторону. – Направо не смотри, зрение испортишь.

Лист металллома приладили к грани и принялись шустро сцеплять его с полом и потолком вагона сваркой. Через десяток минут так же закрыли другой бок, а затем и закрыли от нас небо, приварив металлический хлам сверху вагона. Но мы еще успели увидеть, как загудевший парой минут ранее рядом грузовой вертолет неуклюже проходит чуть в стороне над нами, забрав с собой красный сорокафутовый контейнер.

– Конечно, я немного виноват, что не предупредил о своем визите, – спокойно рассуждал Артем, отклонившись на свое кресло. – Но тебе не кажется, что кое-что нужно пояснить?

К этому времени наш состав уже рывком двинулся с места, передвигая в сторону Москвы двадцать вагонов металлического лома по товарно-транспортной накладной, в том числе наш, который никак не отличался от остальных внешне. Там, конечно, не Урал, но есть кому переплавить металл и извлечь из этого прибыль.

– У нас экзамены завтра, надо выспаться, – прикрыл я глаза. – Не всю же ночь рулить.

– Максим!

– Ты про этих, из Москвы? Да пусть дергаются и паникуют. Зря, что ли, тот контейнер в красное покрасили и вертолетом подняли... Пусть подключают знакомых в авиации, тратят нервы, деньги и время... – сонно произнес я. День вышел длинным и сложным – таким же, как и прежние два. – Пусть занимаются чем угодно, но не мешают мне спать.

– Ясно, – поерзал на своем месте Артем, тоже собираясь ко сну.

Но потом нечаянно пнул пакет с едой, заинтересовался и принялся хрустеть под ухом.

– Слушай, там, чтобы я выспался, войсковая операция уже, наверное, проводится, – включив верхний свет, недовольно посмотрел я на него, уже откусившего шоколадку.

– Понял, я просто нервничаю, – шустро дожеввал друг и успокоился. – Но вообще, на самолете было бы быстрее и точно спокойнее.

– На самолете – не то.

– Значит, тебе нравятся поезда?

Я вздохнул, но решил, что можно выкрасть пару минут от сна на ответ.

– Помнишь, мы на поезде ехали на турнир?

– Ага. Яркое воспоминание.

– Тогда меня поразило то, что, где бы мы ни были, наш вагон всегда был территорией нашего княжества. Не важно, сколько мы ехали, но всегда были дома.

– Да, для гербовых поездов это так, – подложил он руку под голову, слегка проехавшись локтем по обивке потолка.

– Не только для них. Но да, мне понравилось.

– Спокойной ночи, – отозвался Артем, зевнув.

Сказывалась темнота в вагоне. Доступ воздуха все равно был, но сама конструкция прятала от постороннего взгляда.

Вся территория государства, планеты, расчерчена границами владений и государств. Нет на земле свободной территории, все имеет хозяина.

Но есть вагоны поездов, растянутые на тысячи километров на железнодорожном полотне. Их суммарные размеры достигают площади небольшого города. И они – сами по себе, неподвластные местным князьям и герцогам, над которыми стоит закон о неприкосновенности транзитных составов. Моих составов. Моей маленькой империи, граничащей со всеми княжествами разом.

– Спокойной ночи.

Глава 7

Город, собранный широченными лентами автомобильных дорог вокруг монструозных высоток с гербами на шпилях. Город, в котором серые цеха заводов и складов могут занимать пространства до горизонта, а за дымом теплоцентралей не видно неба. Но одновременно – с парками неменьших размеров, разбитых в самом центре, на драгоценной земле, квадратный метр которой стоит больше, чем обычный человек заработает за всю жизнь.

Город-государство с населением в двадцать миллионов человек. Сердце, качающее по артериям банковской системы финансовые потоки. Ум страны, ее голос и твердая рука, открытая для рукопожатия и сжатая в кулак для драки...

– Почему в наш вагон загрузили танк? – бестактно прервал романтику сравнений Артем, подозрительно глядя с пассажирского сиденья.

– Потому что это технически возможно, – дипломатично ответил я.

Мы неслись по трассе в шесть полос с положенными ста двадцатью километрами предельной скорости, разумно выбрав крайнюю справа полосу, чтобы не мешать отчаянно опаздывающему городу. Ракетами проносились мимо одиночки и богатые кортежи. Камеры фиксации нарушений никого не смущали – тут все были готовы платить. Десяток минут ценился дороже штрафа, единого на всю страну, потому смешного для столицы: стандартные расходы, вроде бензина.

– Допустим, – набрал Артем воздуха в легкие и медленно выдохнул. – А почему тогда его заварили той же самой маскировкой из металлического хлама?

– Тебя очень сильно волнует этот танк? – присмотрелся я к указателям будущей развязки.

– Очень.

– Ну вот, – спокойно констатировал я. – А так люди его не увидят, и волноваться не будут.

– Максим!

– Что? – невозмутимо уточнил я, съезжая на нужное ответвление трассы.

– Ладно, – махнул он на меня рукой. – Вот поймают тебя с этим танком, сам все расскажешь.

– Это металлолом по документам.

– Танк?! Да он своим ходом на платформу залез!

– Ну он же из металла, – пожал я плечами. – Плюс разумный процент включений: пластик там, резина... Идет по пятнадцать копеек за килограмм, если интересуешься.

– Мм, он хоть стреляет?

– Металлом-то? – с усмешкой уточнил я.

– Тогда ладно, – успокоился Артем.

– Конечно, стреляет. – Я вырулил к башне из стекла и бетона в двенадцать этажей.

Все, что выше, – запрещено к строительству тем, у кого нет герба. Небо – для аристократов.

Рядом подавился фразой товарищ и закашлялся.

– Снаряды – по сорок копеек за килограмм. Цветмет, сам понимаешь.

– Но это же страшно дешево! – Удивление даже перекрыло возмущение.

– Зато ты бы знал, как дорого порою стоит перевозка негабарита! – цокнул я, с улыбкой выбираясь из машины на асфальт парковки. – Да успокойся, груз принадлежит одной фирме, перевозит вторая по заказу третьей, а та на комиссии у четвертой. Я там вообще ни при чем.

– Доиграешься, точно говорю, – буркнул товарищ, выходя из машины со своей стороны. – Надо ли так рисковать из-за одного танка?

Там их полтора десятка, вообще-то. Но эдак он еще сильнее переживать начнет... И это еще без вертолетов, которые по тридцать копеек за килограмм – меди и серебра много.

– На университет не похоже, – скептически озвучил Артем, вслед за мной двигаясь к тонированным дверям из стекла.

Никакой рекламы или наименования на здании не было. Обычная безликая коробка, органично влившаяся в ансамбль похожих зданий по обе стороны улицы, с литерным номером на адресной табличке. Что это за место, можно было прочесть только на небольшой золоченой эмблеме возле входа.

– «Индивидуальные механизированные перевозки», – прочитал друг и скользнул взглядом на лозунг чуть ниже. – «Единые решения автоматизированной транспортировки объемных ресурсов». Кучеряво.

Я молча вдавил неприметную кнопку слева от входа и придержал для Артема распахнувшуюся дверь.

– Прошу.

Тот со странным выражением оглядел меня и шагнул на мраморный пол широченного зала, вдали которого угадывалась стойка, на данный момент пустая, и серебристые двери четырех лифтов позади нее.

– Что-то немногочисленно, – цокнул Артем, разглядывая окружающую пустоту.

Стоило закрыть дверь, отрезая уличный шум, и наступила приятная тишина – разве что шепот системы кондиционирования, наполняющей помещение приятной прохладой, звучал под перестук наших шагов – я уверенно шел к лифтам, а Артем за мной.

– Еще скажи, что это тоже твое, – как-то серьезно, даже без иронии полуспросил он.

– У меня, если честно, ничего нет, – признался ему, нажимая кнопку вызова у второго справа лифта. – Верить, Юсупов Амир за это родственником признавать не хотел. Говорит, не достоин.

– Но ты ему объяснил? – постарался заглянуть в глаза друг.

– Зачем? – недоуменно глянул я на него, перед тем как войти в лифт.

– Чтобы относились уважительно.

– Мм... а это зачем? – вновь не разобрался я.

Где в этом уважении деньги, прибыль и интерес? Вот желание назвать своим чужое и попытаться навязать свою волю – оно неотрывно с этим уважением.

– Нудный ты, – фыркнул Артем. – И скрытный. Ничего про все это не говорил, – обвел он рукой сверкающий металл кабины лифта.

– Когда ты в последний раз у меня о чем-то спрашивал? В девятом классе?

Вот мы на нужном, десятом этаже.

– Ладно, прости, – пробурчал Артем, выходя вслед за мной из лифта. – Родители посчитали твое общество слишком опасным, – признался он. – Я был против.

– Это после какого случая? – заинтересовался я.

Мы шли по длинному светлому коридору с дверями по обеим сторонам. Ни на одной из них не было таблички, даже врезки замка не отыскать, не говоря о ручке – чистая гладкая поверхность, окрашенная под дерево.

– По совокупности деяний, – засопел он, явно вспоминая насыщенное лето перед старшей школой.

Нас тогда отправили из города в местный летний лагерь, с отбором на основании социального статуса родителей. Артем был под маминой фамилией, и для всех – не княжеский сын, а так, почти как я, из простых, хотя и приближенных. В общем, с остальными ребятами мы сразу не поладили, а классические методы решения проблемы блокировало торжественное обещание не применять Силу и не драться. «Вы должны научиться решать проблему без этого!» – таким благородным посылом был озарен наш путь.

На третий день после объявления войны – в виде соленого компота на нашем столе и слитного гогота за соседним, в ночь мы слили с трактора солярку и залили ее в выставлен-

ный на постаменте при въезде в лагерь Т-34 времен Второй мировой. Добротная техника завелась, пронзив ревом спящий лагерь. Ну а мастерство вождения позволило снести только домики неприятелей. Люди, разумеется, не пострадали – весь лагерь был предупрежден роком дизеля и благоразумно бежал в лес. Наивные. Через какое-то время особенно злостные недруги повстречали в чащобе гигантского медведя. С тех пор голоса их изменились, став робкими и заикающимися.

«Я имел в виду совсем не это! – кричал потом на нас человек, что брал обещание, а мы лишь грустно кивали головами в ответ. – Я говорил про дипломатию!»

В общем, во вторую летнюю смену, уже в другом лагере, мы таки освоили все таинства дипломатии. Оказывается, любой конфликт можно решить словами, если они звучат как «ребята, у нас есть танк». Особенно после подтверждения, что те два отможенных парня в снятом на бегу дрожащем ночном видео на Ютубе не случайно похожи на нас.

Дипломатия – это, как оказалось, вообще мое. Главное правило дипломатии – чтобы танк действительно был, и продолжение беседы выходит позитивным и дружественным.

Ну а у Артема отчего-то любая затея с танками теперь ассоциируется с неприятностями. Индивидуальная реакция, причем ошибочная; я считаю – он механик-водитель, что называется, от Бога.

– Тебе в третью дверь направо. Там душ, сменная одежда. Твой размер найдется.

– Это еще зачем? – возмутился Артем.

– Ты же не хочешь вызывать стойкие ассоциации с поездом и долгой дорогой? Выйдешь раньше – постучись в дверь напротив, я там.

– Откуда в офисах душевые? – с сомнением пробурчал он, подходя к своей створке двери, но не решаясь ее открыть.

– Не за всякой дверью то, что написано на табличке.

– Тут вообще ни одной таблички нет!

– Значит, там может быть вообще все что угодно... – распахнул я свою дверь, входя в уютную комнату с панорамным остеклением и запирая за собой.

Артем уж наверняка справится и зайдет самостоятельно.

А передо мной был гостиничный номер: обычный, но неплохой – с широкой постелью, холодильником, офисным столом и ноутбуком. По правую руку дверь шкафа прикрывала полноразмерную гардеробную комнату, по левую же за зеркалом спрятались душевая и прочие удобства. Весь этаж предназначался для командированных, а также для персонала, привычного к ночным вахтам. Страна большая – иногда нужно ночевать на работе, чтобы позвонить во Владивосток и застать абонентов в их «восемь утра».

К слову, в коридор я вышел первым, поправляя серый костюм, надетый поверх классической белой рубашки с красной бабочкой.

Вежливо постучал в противоположную дверь и покосился на достаточно скромные часы на левой руке. Пока в графике.

– Тут сорочка не застегивается! – отчетливо проворчал Артем на мой стук.

– Это называется «мода», – чуть повысив голос, подсказал я.

Резко распахнулась дверь, и из комнаты на меня хмуро посмотрел товарищ. Был он в островерхих бежевых туфлях, брюках им в тон, застегнутых строгим ремнем с довольно вычурной серебряной пряжкой. Мускулистый торс облегал шелковая сорочка с крупным, но почти незаметным по цвету орнаментом, а мощную шею даже и не думал закрывать достаточно широкий и непослушный ворот, пуговицы на котором были исключительно декоративными.

– Почему там нет ничего нормального на мой размер? – хмуро произнес он. – Я проверил. Два пиджака на спине порвались... Кстати, извини, – добавил он с оттенком вины, чуть умерив тон.

– Это сейчас – самый шик, – доверительно доложил я ему.

К тому же с пиджаком это не носят.

– У нас за такое бы побили... – тронул он ворот.

– Тебя?

– Не меня, а вообще!

– Через год перестанут. Мода распространяется со скоростью выхода новых сериалов. Тут снимают сейчас, у нас покажут потом. Да нормально все, точно тебе говорю! Между прочим, кучу денег вещи стоят, – постарался я быть убедительным.

– А ты почему выглядишь нормально? – посмотрел он на меня с легкой завистью.

– Так провинциал же... – развел я руками и выдал убедительную улыбку.

– А я, значит... – как-то нервно оглядел себя с ног до головы Артем, подбирая приличное слово.

– Респектабельный аристократ, – уважительно высказал я мнение и вовремя повернулся к лифту.

– Ладно хоть карманы нормальные, бумажник и нож переложить можно... – проворчал он мне в спину, заходя в кабинку.

– Это под новую модель сотового телефона. – Я нажал на две кнопки лифта сразу – седьмую и вторую.

– Все-то ты знаешь, во всем разбираешься!.. – тихо шумел рядом явно недовольный товарищ.

– Ботинки жмут?

– Нет!

– Тогда в чем дело? – Мы вышли на новом этаже, пронзенном ниткой абсолютно такого же коридора, прошлись чуть дальше и остановились возле очередной типовой двери, пятой по счету от лифта.

Пока Артем формулировал свое недовольство, я приложил ладонь чуть выше и левее от центра двери, дождался щелчка автоматики и шагнул внутрь, на паркет большого кабинета, залитого столичным светом.

– Максим! – подхватился с места друг Димка, блеснув радостью сквозь линзы дорогих очков, и тут же быстро зашагал навстречу, протягивая руку.

Пиджак индивидуального пошива, шелковая сорочка, сверкающие штиблеты и сияющие белизной ровные зубы – так теперь выглядел мой давний приятский друг. Деньги изменили его внешность, сделав лучше, но не тронули душу – потому как там и раньше все было отлично. Ум, верность, доброта для своих и жесткость для посторонних – именно характер позволял зарабатывать деньги, а вид был пропуском в мир крупного капитала.

– Мой помощник и хозяин этого здания, Дмитрий, – представил я его Артему. – А это Шуйский Артем.

– Очень рад знакомству, весьма наслышан, – осторожно пожал Димка руку моего товарища двумя ладонями. – Присаживайтесь, у меня все готово.

Он указал на длинный С-образный стол, заставленный папками, к которому было прикнута три кресла с одной стороны и одно начальственное внутри дуги. Но присел Димка не за свое рабочее место, а в кресло рядом с нами.

– Вот, ознакомься, – тронул он корешок папки рядом. – Это досье на преподавателей, это на их семьи, тут у нас материалы на секретариат деканата, – касался он папки за папкой. – Это материалы по аспирантам.

– Максим, что происходит?.. – вклинился громким шепотом в перечисление Артем, тронув за локоть.

Димка из вежливости приумолк.

Я тоже приподнял бровь, ожидая продолжения от Артема.

– Сбор информации о государственных служащих – это нарушение закона! – грозно тряхнул он непослушным воротом рубашки.

– Мы когда поступать будем, анкету заполним, верно?

– Ну... – напряженно глядя, подтвердил он.

– Благодаря нашим анкетам преподаватели с нами знакомятся, – благожелательно продолжил я. – Будет правильным, если мы тоже немного узнаем про них.

– Максим, но не в таком же объеме! – пододвинул он папку и распахнул на случайном месте. – Тут даже кличка его кота!

– Хорошо, я тоже напишу, что моего кота зовут Машк, – терпеливо кивнул я. – Это ведь будет честно?

– Да тут не только клички, – в некотором смятении листал бумаги в папке Артем. – Тут вся личная жизнь, привычки, интересы!

– Согласись, все это мы узнаем во время учебы.

– «Федор Семенович: высшая математика, сорок семь лет, женат, есть любовница, смотри приложение шесть; любит выпивать», – продекламировал Артем. – Максим, пойми: должны быть какие-то пределы! Адекватные рамки, в пределах которых тебя не схватит за шкуру Имперская служба безопасности и не потащит на виселицу!

– Что, так и написано? – с недоверием переспросил я. – «Любит выпивать»?

– Именно! – хлопнул Артем по бумагам ладонью.

– Димка... – с укором повернулся я к другу.

Тот виновато хмыкнул и отвел взгляд.

– Почему не написано, *что именно* любит выпивать? – покачал я головой. – В каких количествах? Где? С кем? По каким дням недели?

– Мало времени для разработки, – дернул Димка плечом, но тут же встряхнулся и куда увереннее выудил из внутреннего кармана черный смартфон, положил на стол и слегка подвинул в мою сторону. – Вот, тут все базы в электронном виде. Все то, что есть в этих папках на данный момент. Будьте уверены, обновление направим в самое ближайшее время.

Артем ссутулился и недовольно покачал головой:

– Максим, ты в моей свите, и если тебя с этими сведениями поймают...

– Спасибо Дим, отличная работа, – похвалил я расцветшего улыбкой друга и обратился к Артему: – Пойдем, поругаешь меня по пути.

– А мне дадут такой же телефон?

– Нет.

– Но почему? – возмутился Артем в голос. – У меня вон и карман подходящий...

– Потому что ты вечно против любого приключения, но искренне возмущаешься, когда оно проходит без тебя, – похлопал я его по спине, вызывая лифт. – Не беспокойся, мы ведь рядом, так какая разница, в чьих руках телефон?

– Если нет разницы, почему не в моих?

– Так он без моего отпечатка взорвется, – невозмутимо пояснил я ему, нажимая на кнопку последнего этажа.

– Это да, аргумент, – нехотя признал Артем. – И вообще, ты мне должен многое рассказать, – произнес он, вновь оглядывая пустынный холл.

Я только плечами пожал. Два года хотел рассказать – да он слушать не хотел. А тут – всего одно здание и немного информации.

– Сейчас в универ, – обозначил я другу планы и вместе с ним вышел из здания на улицу.

Туда, где эвакуатор загружал на платформу мою припаркованную перед зданием «хонду».

– Вот: кем бы ты себя ни считал, Москва тебя сожрет, – с неким довольством произнес Артем, положив мне руку на плечо.

Эвакуатор тем временем неспешно отчалил. А вслед за ним подъехал еще один – принявшийся сгружать с себя белоснежный «Кадиллак Эскалейд».

– Это что за?.. – удивился друг вслух.

– Княжич Шуйский не может приехать в университет на старенькой «хонде», – прищурился я на блеск хромированных дисков. – Давай за руль, мне такой авто водить нельзя.

Артем с изумлением посмотрел на меня.

– Поехали, твоя светлость, – подмигнул я ему. – Я покажу дорогу.

Глава 8

Особое мастерство сделать сюрприз – вызвать неподдельное восхищение на лице получателя.

В машине, подаренной мне Артемом, все вещи были на своих старых местах, подчеркивая внимание и уважение к привычкам. Я постарался угодить не в меньшей мере.

– Слушай, даже регулировка сидений и зеркал – под меня, – наслаждался Артем вождением, с удовольствием поворачивая с тесной улочки, заставленной машинами, на автостраду.

Моя подколка забылась, а пейзаж вокруг сменился обзорными видами Москвы – с высоты поднятых над землей путепроводов и развязок. Столица – она очень разная: красивая и скромная, веселая и тоскливая, богатая и бедная, в сверкающей позолоте и облезавшей со ржавчины грунтовке. Смотря куда взглянуть и откуда. Чем выше и ближе к центру, тем больше красоты – как уже наверняка заметили хозяева сотни невероятно высоких клановых башен, видимых практически из любой точки города. Разных башен, индивидуальных в своем величии, мастерстве архитекторов и богатстве, выставленном напоказ. Но все они едины в одном – из каждой башни отчетливо виден Кремль, отнюдь не такой высокий и помпезный. Можно сказать, скромный в своем облике белоснежных стен и молодой зелени островерхих башен. Но смотрят на него с княжеских высоток пристально и очень настороженно.

– Документы твои тоже на положенных местах. – Я прикрыл глаза, принимая похвалу.

– Руль-то какой удобный, все как в моей парадно-выездной машине! А мне говорили – редкость, – продолжал Артем восторгаться, любовно проводя рукой по бежевой коже. – И герб на номерах как у меня... – слегка задумчиво продолжил он, а затем отчего-то напрягся и откинул солнцезащитный козырек. – Максим...

– Ау? – откликнулся я, лениво глянув, как товарищ цепко смотрит на укладку документов в специальном кармашке.

Документов, которые он точно не брал с собой в Москву.

– Ты спер мою машину, – утвердительно и как-то спокойно произнес он, отчетливо скрежетнув зубами.

– Совершеннейшая неправда, – откестился я. – Чья машина? Твоя. Кто за рулем? Ты.

– Ты спер мою машину!!!

– Доставил к тебе в Москву, – тактично поправил я.

– Да ты знать не знал, что я с тобой поеду!

– Позвольте! – возмутился уже я. – У меня было сорок минут, пока мы ехали по трассе. Ты считаешь, я настолько бездарен, что не способен ничего организовать за это время?! Ну, знаешь... я-то считал тебя другом, – скрестил я руки на груди и демонстративно отвернулся к окошку.

– Да постой ты, – с досадой отозвался Артем, – я не это хотел сказать... Стоп! Ты мне зубы не заговаривай!

– Ну что мне, тот красный контейнер на вертолете порожняком в Москву гонять? – примирительно произнес я. – Зато сейчас на колесах. Ну что тебе не нравится?

– Мне не нравится, что она сейчас наверняка в угоне!!!

– Так документы же на руках? Отзвонись да и сними угон.

– Максим... – снова скрежетнули его зубы, но он все же не сорвался на новый вопль. – Мне очень нежелательно звонить домой.

– Досадно, – потянулся я почесать затылок, но спохватился и оставил руки лежать на коленях.

– И это все, что ты можешь сказать?!

– Если бы ты мог позвонить домой, наверняка был бы доволен, – вздохнул я в ответ. – Команду на доставку я дал еще до посещения универмага.

– На «доставку», – фыркнул Артем. – Да как тебе в голову пришло такое поручить?! С охраняемой стоянки, джип на княжеских номерах!

– Ой, ключи все равно в замке зажигания...

– Конечно, в замке зажигания! Назови мне человека, который станет угонять княжеский джип! Хотя погоди, я же его знаю!

Но говорил Артем уже без прежней ярости, скорее ворчливо. Он вообще отходчивый и при этом очень умный, так что редко злится на то, в чем видит логику и доброе пожелание.

– Да, я немного виноват, – признал свой недосмотр. – Думал, ты просто сбежал из дома под шумок больших событий. Дед точно еще лет пять власть не отпустит, времени у тебя – море.

– А просто спросить? – покосился он.

– Что спросить?

– Спросить, – терпеливо повторил он, – стоит ли перевезти мою машину сюда.

– Так какой же тогда будет сюрприз? – хмыкнул я.

– Максим!!! Я в угнанной, но при этом в своей машине, еду по столице под десятками камер! Где-то там уже наверняка грузится в автобусы спецназ, объявлен план «Перехват»! Да нас заблокируют на следующем же съезде!!!

– Главное – не спорить и спокойно дать уложить себя на асфальт, – поспешил я с дельным советом. – Там люди вообще без чувства юмора.

Кожа на руле отчетливо скрипнула под пальцами Артема.

– Мне кажется, ты просто нервничаешь перед университетом, – заметил я мудро.

Он каменной физиономией медленно повернулся ко мне – благо хоть дорога впереди прямая, а так бы точно влетели куда.

– Ай, да ну тебя... – расслабляя мышцы, безнадежно махнул Артем рукой, дотянулся до портфеля на заднем сиденье и принялся выуживать документы, выкладывая их на торпедо над рулем.

Чтобы, значит, при проверке под рукой были.

– Ты паспорт после четырнадцати лет менял? – заинтересовался я.

– Нет, зачем?.. – продолжал он манипуляции с бумагами.

Значит, на фотографии в паспорте – скромный парень интеллигентного вида в очках. А не обретший волю и мышцы шкаф.

– Не признают, – цокнул я скептически. – Ты с этими документами – из разных эволюционных ступеней.

Артем замер, затем взглянул на права, лежавшие на стопке бумаг сверху, и хмуро всмотрелся в улыбающуюся и худенькую физиономию. Права мы тоже получили в четырнадцать.

– Да чтоб тебя... – произнес он с тоскливым надрывом, а затем, заприметив что-то в зеркала, уже откровенно взвыл: – Я же говорил!

Крякнув дикой уткой, позади пристроился «мерседес» с полицейской расцветкой и игриво мигнул сине-красной «люстрой».

– Вон там остановиться можно, – с заботой подсказал я ему, указывая на «кармашек» после знака «Место стоянки».

– Молчи, просто молчи!.. – категорично отозвался Артем, снижая скорость и выруливая одной рукой, другой же лихорадочно тасуя документы так, чтобы сверху был просто княжеский патент.

Внешний вид и форма серебристой гербовой бумаги «Его светлости» пережили уже два столетия без серьезных изменений, оттого и сейчас она не украшалась фотографией. Но и подделать ее было не под силу обычному жулю, так как в сути своей патент представлял

собой артефакт, охотно отзывающийся визуальными эффектами по требованию настоящего владельца, будучи в его и только в его руках. У Шуйских серебро бумаги проходило жемчужными волнами, складываясь в силуэт стремительно взлетающей чайки – мне как-то показывали, опасаясь, что я решу проверить эффект самостоятельно и все сломаю. Возмутительное предубеждение.

Занятно, что именно чайка – в роду-то прирожденных медведей-оборотней. Быть может, потому, что второй облик Шуйских – довольно серьезная и тщательно оберегаемая тайна. У них из-за этого и родовое оружие – пистолеты, огнестрельное оружие, а родовая стихия – огонь. Абсолютные антагонисты медвежьей природе – чтобы даже краем мысли не связали огромные следы в дремучих заповедниках княжества с теми элегантными и солидными людьми, что обитают в родовой крепости. В общем, тайна настолько деликатная, что подшучивать над Артемом никогда не становится скучно. Понятное дело, что допустимо это только среди своих, посвященных и уже успевших на нем прокатиться. Но если без шуток – большой кровью может огласка обратиться. Никто не любит чуждого, нелюдского – под искоренение коего (и попутный грабеж) всегда можно найти союзников. Хорони их потом...

– Так, документы есть, руки на руле, Максим молчит, все будет в порядке, – между тем успокаивал себя княжич, останавливаясь на краю дороги.

Я только фыркнул и отвернулся, но краем глаза продолжал наблюдать в центральное зеркало, как из остановившегося позади автомобиля, уже не сверкающего «люстрой», с пассажирского сиденья с солидной неспешностью выбрался мужчина в возрасте, поправил мундир с богато расшитыми и звездными погонами и принял от кого-то в салоне фуражку, размещая ее на голове козырьком ровно вперед мастерски и с изрядным опытом. Последним из салона показался продолговатый футляр орехового дерева сантиметров сорок в длину, десять в ширину и пять в высоту, принятый вышедшим офицером бережно, двумя руками. И столь же деликатно, неспешно он понес его к нашей машине, двигаясь со стороны водителя.

Артем явно удивился, но виду не подал. Кнопкой опустил стекло рядом с собой, позволяя звукам оживленной трассы ворваться в салон. Следом пришел запах разогретого асфальта и бензина, а парой секунд позже – тонкие нотки хорошего одеколona.

Из-за высоты машины взгляды Артема, все еще дисциплинированно удерживающего руки на руле, и подошедшего господина оказались на одном уровне.

Седина на висках, морщины под глазами и холодный, цепкий взгляд, за равнодушием которого чудились ярость и обреченность, запрятаные настолько глубоко, что уловить их можно было только зная, что произошло.

Артем понятия не имел, оттого встретил офицера радушной улыбкой и простодушным вопросом.

– Что-то случилось? – произнес мой друг легко и спокойно, щурясь от заглянувшего в открытое окошко яркого солнца.

Офицер ощутимо вздрогнул, подавившись заготовленной фразой. Но довольно быстро собрался и четким, выверенным движением протянул футляр Артему:

– Приношу извинения, Артем Евгеньевич, за доставленные неудобства. Неизбежные в профессии накладки. Виновные будут строго наказаны. Прошу принять от всего сердца.

Артем подарок принял, умудрившись не выдать обескураженности на лице и не озвучить вертящиеся на языке вопросы.

– Честь имею, – резко качнул головой офицер, по-уставному повернулся через левое плечо и отправился к своей машине, чуть ли не чеканя шаг.

Надо сказать, следующие свои слова Артем произнес уже после того, как позади вновь замерцало сине-красным и ведомственный авто, потребовав себе начальственным побрякиванием место в вечно спешащем потоке, вновь вырулил на магистраль. И даже после этого события прошло не менее пяти минут.

– Максим, что происходит? – коротко выдохнул он, продолжая смотреть вперед через лобовое стекло.

Футляр оставался лежать на его коленях нераскрытым.

Я изобразил пантомимой, мол, вообще-то, мне настрого запретили что-то говорить.

– Не пясничай. Можешь говорить. Итак? – рублеными и строгими фразами потребовал он ответа.

– Позволь выразить искреннее возмущение этим безальтернативным тоном, который накрепко связывает меня с происшедшим. Эта тенденция во всем винить именно меня раздражает еще со школы. Какая-то вечная презумпция виновности!

– Но это ведь ты, да? – не сменил тон Артем.

– Я, но...

– Максим!

Один из случаев, когда слово приобретает новое значение. Было имя – а стало нечто обвинительное и требующее немедленного раскаяния вместе с расшифровкой всех планов.

– Ладно... Твоя машина, как я уже сказал, была в контейнере. Вертолет с контейнером летел в Москву. Мои недоброжелатели задействовали свои связи в штабе ПВО столицы и посадили вертолет. Вскрыли контейнер, сорвали пломбы. А там твой джип. Княжеский то есть.

– Краденый... – глухо отозвался Артем.

– Ну кто ж станет красть княжеский джип! Да кому такое в голову придет!

Артем молча сложил руки на руле и уперся в них лбом.

– Вот и получается, что местного генерала подставили, уговорив посадить вертолет с имуществом наследника княжества Шуйских. А тот даже не аристократ, ему твой гнев, переданный через отца, всю карьеру сломать может. Вот, разыскал нас и пришел лично приносить извинения. Так что у тебя в Москве есть первый должник, – бодро завершил я, уже со скепсисом предчувствуя, что благодарностей не дождусь.

– Максим, а мне он нужен? – выпрямился товарищ и строго посмотрел на меня.

– Ну, дело ведь хорошее. Не в этом году, так через пару-тройку...

Артем поднял стекло, завел машину и молча вырулил на магистраль. Смотрел он вперед холодно и равнодушно, сконцентрировав все внимание на дороге. А подарок офицера так неоткрытым и отправился на заднее сиденье, вместе с документами, собранными одним движением с приборной панели.

– И даже что в футляре, не посмотришь? – осторожно поинтересовался я, заерзав от его реакции.

– Нет.

Я невольно покосился назад.

– А можно я посмотрю?

– Нет.

Тревожное ощущение и некая неустроенность, как у кота перед дверью, за которой кто-то шуршит, поселилась в душе.

– Я одним глазком?..

Артем вобрал воздух для очередного категоричного отказа, но выдохнул с некой обреченностью и отмахнулся рукой.

Я быстро перегнулся через кресло, приподнял крышку, мазнул взглядом по содержимому, закрыл и удовлетворенно вернулся на место. Ощущения – как будто прохладный ветер подул на зачесавшееся место.

– И что там? – полюбопытствовал все-таки Артем, пусть и прежним равнодушным тоном.

– Наградной кортик, выданный в честь завершения офицерских курсов. Категорически не рекомендуется терять, вещь сугубо индивидуальная и где-то даже ритуальная.

– Зачем он мне?

– В том-то и дело, что незачем! – старался добавить я эмоциональности в тон, чтобы перебить его равнодушие. – Поэтому спокойно можешь вернуть его назад. Более того, с твоей стороны это будет правильно и красиво. Но так как это подарок возвращенный, то вместо него тебя попросят выбрать что твоей душе угодно: вещь или услугу. Это обычная ситуация, когда неизвестна плата, которую затребуют, но по умолчанию согласны на любую.

– Я же не для себя... – произнес я чуть смущенно, так и не дождавшись ответа или какой-либо реакции.

И вновь тишина.

– Мы же просто ехали учиться... – произнес он, не выдержав, сквозь зубы.

– Тебе не кажется, что просто ехать – невероятно скучно?

– Поэтому надо манипулировать, использовать чужой герб и имущество, сталкивать лбами генералов и тревожить систему обороны столицы?!

– У меня все точно и запланировано на несколько ходов, – уверил я его. – В конечном итоге ты главный выгодоприобретатель, без малейшего для себя риска.

– А ты?

– Я – в легком плюсе, – добавил я тоном скромного хорошиста.

На этот раз молчание длилось несколько минут. Я уже собрался выдать что-нибудь примирительное, когда Артем вновь заговорил – тоном усталым, но с оттенком заботы. Как отчитывают тех, кто беспорно дорог:

– Скажи, почему с тобой все так сложно, а? Какие-то танки, вертолеты, контейнеры, генералы...

Набрал было воздуха, чтобы отделаться шуткой, но, поразмыслив, решил, что так будет неправильно. Крепко дружили мы достаточно давно, так что теперь многое друг о друге не знаем. При этом в памяти моей Артем – он все еще прежний, будто не прошло и одного дня с момента последней встречи. И для Артема наверняка я остался там, в конце девятого класса.

Забавно, но, отвечая на его вопрос, не придется искать отметку, с которой все изменилось, после которой со мной стало «все так сложно».

– А что мне было делать тогда, два года назад? Ты телефон не берешь, Федор уехал, скучно... – спокойно ответил я, не допуская и намека на иронию.

Артем покосился, но, встретив абсолютно серьезный взгляд, задумчиво хмыкнул и надолго замолчал. Поглядывал, правда, будто ожидая улыбки или продолжения истории. Но она, история, вся целиком такая и есть.

Новый съезд вернул нашу машину в тесные объятия города. Тут, ближе к центру, свободной земли было отчаянно мало, оттого теснились по обеим сторонам дороги дома: старые и новые – древние панельки времен завершения войны, когда жилья требовалось много, дешево и быстро; там же, плечо к плечу с ними, высились молодые красавцы из кирпича и гранита. Иногда казалось, будто не здания, а отцы и дети стоят плечом к плечу. И виделась в этом даже не смена поколений, а подвиг, который старики, пусть ветхие, но все еще горделиво и осанисто стоящие на мощных фундаментах, через бедность и надрыв сил совершили для того, чтобы росли рядом молодые, богатые и счастливые.

Медленно приближался центр города через традиционные пробки, гораздо быстрее росли цены за квадратный метр на рекламных баннерах, а Артем все молчал, обдумывая что-то свое.

Университет, в общем-то, далеко не в центре города – корпуса и общежития вынесены ближе к северо-востоку, забирая от столицы добрый десяток квадратных километров. Просто навигатор, который Артем пробудил в машине, вел нас напрямик через центр, не признавая сложности передвижения по перегруженной транспортом столице. Вернее, вел он правильно со своей точки зрения – ведь для княжеского авто допускалась куда большая свобода по правилам дорожного движения. Те же выделенные полосы со значком «А» – для автобусов, но Артему

можно читать и «для аристократов». Только вот после новости о сложном статусе машины – то ли в угоне она, то ли нет – двигался он по дороге с осторожностью пенсионера, у которого на день просрочена страховка, в багажнике тело случайно сбитого оленя, а сам он немного нетрезв в связи с поминками по сохатому. А вокруг ни много ни мало столица страны...

– И ты занялся танками? – произнес наконец Артем недоверчиво.

– А что ты мне предлагаешь делать в такой ситуации? Начать курить?! – отозвался я на его недоверие.

Он только головой покачал и буркнул:

– Ладно, замяли, – уступая нагло влезшей из соседнего ряда «мазде».

«Мазда» моргнула габаритами: «Спасибо». Потом, видимо, присмотрелась к княжеским номерам и замигала «Спасибо» совсем уж отчаянно...

– Ну мы едем, нет?! – рыкнул товарищ и длинно бибикнул.

Впереди сорвались вдаль, обгоняя движение через две сплошных.

– Вот же сумасшедшие... – отозвался Артем, набирая скорость в наконец-таки приободрившемся потоке машин.

Дорога стремительно расширялась, уходила витками ввысь, падала под землю, пронзая ее на протяжении доброго десятка минут, потом вновь взметнулась на широкий мост, открывая вид на изгибы спокойной реки, к которой вплотную подступал лес – настоящая чащоба... тут, все еще почти в самом центре!.. А на вершине лесного склона, шедшего к реке, горделиво смотрели в небо шпили главного корпуса МГУ цвета платины и алебаstra с темно-алым кантом у карниза. Если приглядеться, виделась и «свита» из университетских корпусов – невысоких, максимум в пять этажей, окруживших главное здание. К слову, частенько перестраиваемых практически с нуля – нервные студенты, обладающие Силой, в период сессии иногда срывались...

– Мы будем там учиться, – спокойно произнес Артем, не сомневаясь ни мгновение.

– Разумеется, – кивнул я, неотрывно глядя вперед.

Дорога повернула вправо под зеленую стрелку светофора и завершилась перед бетонным блоком с крупной и убедительной схемой, как выбраться на парковку. За блоком же кипела пешеходная жизнь: по асфальту, по тротуарным дорожкам уже расхаживали сотни людей самого разного возраста – от тех, кому предстояло сегодня сдать или не сдать экзамены, с группами поддержки из друзей и родни, до праздных зевак, кому время поступления в центральное учебное заведение год от года служило неплохим шоу.

– Вот сюда поверни, – указал я на полностью заставленную «восьмерку» парковочных мест, ближнюю к входу в главный корпус.

– Там все занято... – отметил очевидное Артем, вытягивая шею в поисках свободного места.

Гигантская, без шуток, парковочная площадка была заставлена полностью и переплетена медленно двигающимися машинами, занятыми тем же самым, что и Артем, – выглядыванием тех, кто может вот-вот отъехать.

В цепочке гражданских машин бесшумно сверкали сине-красными «люстрами» постовые автомобили, зорко пресекая через громкоговорители попытки запарковаться вторым рядом. В общем, многие, проехав всю парковку насквозь, выбирали обратный путь в город, потеряв всякую надежду. Благо еще можно было оставить железного коня у станции метро и вернуться по персональной ветке до университета.

– Поверни, – добавил я просительно и мягче.

– Ладно, сделаем круг, – проворчал он, вырывая и медленно двигаясь вдоль заставленных с двух сторон рядов.

Неожиданно в двух метрах от нас ожил двигатель габаритного белого микроавтобуса и выехал, освобождая нам место.

Отличное место, надо сказать – в сорока метрах от главного входа. От такого чуда кто-то даже выскочил из машины, надеясь занять место собственным телом. Но, углядев номера на машине Артема, с досадой остановился.

– Хочешь сказать, у тебя все распланировано? – покосившись на меня, запарковался Артем.

– Смею на это надеяться, – ответил я ему улыбкой.

– То есть вообще все? Куда нам идти, как, к кому?.. – не отрывая от меня взгляда, открыл дверь со своей стороны друг.

– Есть такое, – выбрался я из машины.

– Раньше ты любил неопределенность.

– В спокойствии и размеренности есть свои преимущества, – прищурился я на солнечный свет и повернулся. – Документы не забудь.

– А твои где? – достал он из машины укладку бумаг.

– В приемной комиссии, разумеется.

– Ну-ну, все просчитано, все учтено, – хмыкнул он. – Сколько у нас еще времени?

Мурлыкнул дважды брелок в руках Артема. Никогда он ее на сигнализацию не ставил – и вот...

– Полтора часа.

Полтора часа – это до момента открытия регистрации на первый экзамен. Статус Артема позволял его там же и «сдать», как и все остальные, которые будут позже. Но общего порядка никакой титул не менял.

– Быстро мы, – повернулся Артем в сторону площади и посмотрел с высоты роста на деловитую и чуть нервную суету абитуриентов, – могли бы что-нибудь посмотреть интересное по пути.

– Вон смотри, – указал я на площадь. – Самое интересное в Москве – это москвичи, – произнес я убежденно.

И смотреть действительно было на что. Наверное, когда прическа в Москве может стоить со среднюю месячную зарплату в нашем княжестве, так и должно получаться – необычный вид, необычная одежда, стиль, цвет волос, бижутерия, линзы в глазах. У парней. И почти то же самое, но при этом длинные, ниже колен и почти до пола, летние платья у девушек с красными, синими, золотистыми и зелеными волосами, причудливыми браслетами и сверканием камней в ожерельях и сережках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.